

Л. С. ВАСИЛЬЕВ
**ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ОЧЕРТАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**
(Эскиз теоретической конструкции)¹

**ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ВЕЛИКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВОСТОКА И ЕВРОПА**

22. Генеральная норма и региональная специфика

Краткое ознакомление с великими цивилизациями Востока и тем более их сравнительно-сопоставительная характеристика, в том числе и при использовании в качестве эталона западной антично-иудео-христианской цивилизации, позволяет теперь, в этом разделе, поставить основные, связанные с великими цивилизациями проблемы в более широком контексте. Речь пойдет главным образом о том, что свойственно для каждого из упомянутых цивилизационных регионов, равно как и для важнейших их региональных вариантов. И на фоне изложения соответствующих фактов и аргументов будет выдвинуто на передний план все то, что касается постепенного изменения исторической роли восточных и западноевропейской цивилизаций. Именно эта сторона проблематики с точки зрения темы работы в целом весьма существенна.

Дело в том, что на протяжении без малого пяти тысяч лет, с рубежа IV–III тыс. до н. э. и вплоть до постренессансной эпохи, когда с XV–XVI вв. Европа начала быстрыми темпами выдвигаться вперед по всем основным параметрам развития, человечество в целом, в Европе и вне ее, эволюционировало крайне медленно и в общем-то достаточно одинаково. Речь не о том, что различия между Востоком и античной средневековой Европой были слабо ощутимы. Как раз напротив, разница ощущалась всегда и была достаточно заметной, ибо суть ее сводилась к

¹ Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1–2.

принципиальному несходству между рыночно-частнособственнической и административно-распределительной структурами, о чем уже много было сказано. Имеется в виду нечто иное: оба типа обществ, европейские и неевропейские, при всем принципиально-структурном различии между ними были еще в очень сильной степени скованы традицией, которая цепко держала их в своих объятиях и предоставляла сравнительно мало возможностей для энергичных и динамичных перемен.

Иногда, имея в виду именно эту их особенность, понятие «традиционные общества» в равной мере используется для характеристики как европейских, так и восточных общностей. Я не склонен делать это, ибо в таком случае вольно или невольно, но смазывается принципиальная разница между обоими типами обществ – разница, восходящая к моменту генезиса европейской античности и сохранявшаяся, несмотря на уже рассмотренные попытки ее ликвидировать, на протяжении двух тысячелетий. Однако в строгом смысле слова европейские (имеется в виду главным образом постантичная средневековая Европа) доренессансные общества действительно были достаточно традиционными и даже стремившимися к консервативной стабильности восточного типа. При этом стоит, однако, заметить, что европейские средневековые общества соответственно отличались и от того, что было характерным для античности.

Легко обнаружить причину этого: античный строй с его явственным приматом рыночно-частнособственнических отношений и соответствовавшей этим отношениям инфраструктурой (правовые и политические институты и т. п.) выгодно выделяется на фоне средневековой, особенно раннесредневековой феодальной Европы с ее во многом восходившими к восточным варварским народам традициями. Если бы не христианство западного толка (католицизм) и античный фундамент, варварские, ориентированные на Восток нормы вполне могли бы даже взять верх, как то случилось в Византии. Поэтому неудивительно, что борьба с этими традициями, противостояние им отняли столь много времени и сил, что сами стали своего рода традицией. Первая половина

западноевропейского средневековья в этом смысле может считаться неким отступлением от античной нормы с ее явственной динамикой эволюции. И многие из фиксируемых специалистами особенности культуры и ментальности раннесредневековой Европы (иное отношение к времени и т. п.) были скорее всего результатом ориентализации, о чем уже упоминалось.

Однако долгие века, на протяжении которых в рамках средневековых европейских монархий происходило противоборство восточных норм с античным наследием, сделали свое дело: средневековая Европа к концу своего существования и особенно в связи с процессами Ренессанса, Реформации и Великих географических открытий весьма сблизилась с античной во всем том, что касается не только важных элементов античной культуры и ментальности, но и очень тесно связанной с ними и со структурой античности мира темпов и всей динамики развития, а также готовности к принципиальным структурным переменам. Неудивительно поэтому, что позднесредневековая Европа быстро теряла свои сближавшие ее с варварским и вообще восточным миром черты и признаки и переставала быть традиционной в привычном (восточном) смысле этого понятия. Напротив, она восстановила основные стандарты античности и, восприняв много нового из важных процессов, протекавших в ней в это время, начала заметно ее превосходить.

Словом, говоря о традиционности доренессансной Европы, можно использовать этот термин лишь условно, в противопоставлении той энергичной динамике, которая стала характерной для европейского развития после XV века, то есть для так называемой новоевропейской эпохи. Но при этом необходимо иметь в виду, что традиционность доренессансной средневековой Европы была весьма относительной и что говорить о ней имеет смысл лишь при сравнении именно с новоевропейскими темпами развития. Если же сравнивать с неевропейским миром, с традиционным Востоком, где традиция всегда господствовала в своей полной мере, то и античная, и даже феодально-средневековая, и тем более постренессансная новая Европа (то есть Европа как Запад в любой из своих конкретных постантичных модификаций) окажется принципиально отличной от восточного мира. Именно этот осно-

вополагающий тезис, как то уже не раз акцентировалось, положен в основу авторской концепции данной работы.

Основная часть предлагаемой теперь вниманию читателя шестой части работы ставит своей целью, как упоминалось, обратить специальное внимание на великие цивилизации Востока в том их виде, какими они выглядели в средневековье и особенно в конце его, когда эти цивилизации повсюду достигли своего наивысшего расцвета. Разумеется, речь не идет о всесторонней их характеристике. Имеется в виду вычлениить и показать то главное, чем каждая из них могла гордиться и что составляло ее суть. При этом очень важно подчеркнуть, что знакомство со спецификой каждой из этих цивилизаций, равно как и взаимное их сопоставление, лишь подтверждают то обстоятельство, что традиционный Восток в любой из его форм (о чем уже было сказано в конце предыдущего раздела) оставался Востоком, а западноевропейская структура, возникшая в форме античности и принявшая в конце средневековья протокапиталистический облик, осталась в основе своей той же, что и была вначале, в момент ее появления на свет.

Поэтому в рамках данного параграфа важно продемонстрировать, как преимущества европейской структуры, о которой выше уже было сказано немало, еще в своей ранней – античной форме (а затем и в других) сказывались на эволюции человечества в целом. Или, иначе, что было в этой эволюции генеральной нормой до античности и что стало ею после появления античности, равно как и после кризиса и крушения античного мира. Именно это немаловажное обстоятельство и заставляет нас еще раз, хотя теперь и в несколько иной плоскости, обратиться к проблеме генерального пути эволюции человеческого общества, точнее даже к закономерностям этого пути.

До поры до времени этот путь был не только всеобщим, но и при всех неизбежных отклонениях и вариантах практически одинаковым для всех. Одинаковым потому, что любые отклонения от генеральной нормы быстро вели к деградации и гибели аутсайдеров, не приспособившихся к новым условиям существования и не имевших шанса выжить в одиночку или в неподходящих условиях бытия. Однако со временем ситуация постепенно изменялась, и наряду со вполне очевидной генеральной нормой появлялись от-

клонения, ведущие к появлению аутсайдеров, которые уже не были обречены на вымирание, ибо по меньшей мере часть их находила для себя нишу, гарантирующую выживание, пусть даже в форме стагнации. Как конкретно это выглядело?

Процесс антропогенеза, протекавший в основном в эпохи нижнего и среднего палеолита, был, судя по имеющимся данным, неровным и не раз менял свои очертания в связи с выходом на передний план тех, кто возник в результате удачных и обычных мутаций (стоит напомнить о проблеме пресапиенсов специализированных неандерталоидов, не говоря уже о стагнировавших архантропах, тех же синантропах). В ходе этого процесса одни варианты человекообразных оттесняли и обрекали на вымирание других, менее приспособленных. Это была жестокая борьба за существование, столь характерная для всего животного мира. Завершилась она выходом на авансцену истории сапиентных людей.

На смену антропогенезу пришел процесс социогенеза. Начавшись достаточно давно и породив привычную для верхнепалеолитических людей социально-семейную структуру во всех ее вариантах (в частности локальные группы охотников и собирателей), социогенез в свою очередь столкнулся с тем, что можно уподобить удачной мутации. Речь о неолитической революции. Неолит быстро, за считанные тысячелетия распространился почти повсюду, включая и Америку, где вполне уже, видимо, готовые совершить переход от собирательного хозяйства и соответствующего ему бродячего образа жизни верхнепалеолитические переселенцы из Азии оказались способными сделать этот исторический шаг (неолитическую революцию) самостоятельно. Но важно заметить, что небольшая часть верхнепалеолитических сапиентов, оказавшаяся в условиях, не приспособленных для ведения неолитического хозяйства (джунгли Амазонки и некоторые иные районы тропиков; циркумполярные районы и отдельные анклав типа горных долин, архипелагов и даже Австралии) при этом сохранила свой тип общества, оказавшегося отрезанным от основной линии развития человечества и превратившегося в стагнирующую периферию эволюции.

Это значит, что наряду с основным – неолитическим путем на периферии общечеловеческой эволюции в ходе процесса социогене-

неза оставалось место и для отставших. Но эпоха неолита открыла дорогу новому процессу – политогенезу, главным итогом которого вначале было возникновение первичных протогосударств в зоне урбанистических цивилизаций. Последующее развитие вело к появлению вторичных центров цивилизации, а также к трибализации и соответственно широкому распространению государственности в ее весьма еще неразвитой форме.

При многих своих весьма существенных конкретных различиях абсолютно все прото- и раннегосударственные образования энеолитической и постнеолитической древности, вплоть до античности, были однотипными. Иными словами, формирование государственности и параметры складывавшихся в то время государств всегда и везде были подчинены некоей генеральной закономерности, той самой, которая была определена как господство административно-распределительной системы. Вначале это господство было абсолютным, позже, по мере укрупнения, развития и усложнения государственных образований (раннее государство, развитое государство, древневосточная империя) и в связи с процессом приватизации, жизненно необходимым для дальнейшего существования и развития административно-распределительных структур, полное господство было утрачено. Зато на смену ему везде пришел жесткий контроль государства над частным собственником и рынком, которые везде были искусственно оскоплены, то есть поставлены в условия, при которых они были лишены потенций для самостоятельного и энергичного поступательного развития, для превращения в фундамент новой, принципиально иной структуры типа античной.

Вот здесь-то и пришел час античности, то есть такой политической структуры, в рамках которой был открыт широкий простор для реализации потенций практически каждого. И именно с этого момента античный путь эволюции начал оттеснять на задний план привычный до того и общий для всего человечества старый, традиционный путь эволюции. Выбор принципиально нового античного пути, явственно претендовавшего на то, чтобы стать генеральным для всех, мы вправе уподобить все той же мутации потому, что он был сделан не в ходе длительных и тем более хорошо продуманных экспериментов, но как бы наудачу, причем в то вре-

мя достаточно отсталой частью человечества, античными греками. Сделавшие этот выбор быстрыми темпами стали набирать очки в соревновании с остальными, то есть с основной массой человечества, прежде всего с достаточно уже развитыми, хотя и находившимися на различных ступенях развития и обладавшими разными потенциями и традициями странами Востока.

Именно теперь и именно в этих обстоятельствах Восток, а в некотором смысле и почти все человечество (в данном случае Восток – это уже понятие не географическое, но историко-политическое и социокультурное), перестал олицетворять собой генеральный путь, по отношению к которому отставшие или уклонившиеся в сторону должны восприниматься как идущие к гибели либо в лучшем случае к стагнации аутсайдеры. Не сразу, но достаточно заметными темпами все те, кто прежде шел генеральным путем, стали превращаться в мировую периферию. А на генеральный путь по мере своего становления и развития все более отчетливо становился мир античности.

Правда, понято и оценено это было не в то далекое время. Более того, на протяжении всей истории античности вопрос в такой плоскости не стоял. Ни античная Греция, ни великий Рим не провозглашали своего приоритета в том, что касалось преимуществ пути развития. Просто античность постоянно демонстрировала эти свои преимущества в различных сферах человеческого бытия, будь то войны или расцвет интеллектуальной культуры. Поэтому точнее даже было бы сказать, что с момента появления античности начался длительный период активного соревнования, даже соперничества двух принципиально различных социополитических и социоэкономических структур. И хотя не всегда в ходе этого соперничества побеждал античный мир, который даже в V в. потерпел, казалось бы, сокрушительное поражение, оставив поля боя Востоку (ориентализировавшаяся Византия в некотором смысле – во всяком случае, для постантичной Западной Европы – была чем-то вроде символа чуть обновленного за счет античности, но все же Востока), именно за этой новой структурой было будущее. И очень скоро, уже в разгар средневековья, это стало вполне очевидным.

23. Западноевропейский феномен

На основе античности сложилось то, что мы вправе именовать западноевропейским феноменом. Выше вскользь уже упоминалось о том, что корни предкапиталистической Европы, не говоря уже о современном Западе и мире в целом, восходят именно к ней, а не к некоему культурно безликому феодализму раннего средневековья. Однако нет никаких сомнений в том, что доренессансная Европа весьма отличалась от античной и что западноевропейский феномен в его докапиталистических формах не был однороден, но, напротив, имел свою историю, к тому же полную драматизма. Его первая (античная) половина, сама по себе очень различная и в Греции, и в Риме, была еще более отлична от второй. Настолько отлична, что именно это казавшееся многим принципиальным несходство легло в основу периодизации европейского исторического процесса в целом, а в рамках истмата – всей всемирной истории.

В чем главная суть разницы? Разумеется, она не в том, что античные греки и римляне жили в условиях некоей рабовладельческой формации и существовали за счет эксплуатации рабов, тогда как средневековая Европа рабства практически не знала, зато была хорошо знакома с феодальной эксплуатацией крестьян. Рабов у греков и римлян действительно было немало, это общеизвестно. Они вносили свой немалый вклад в процветание античной Греции и Рима как в дни республики, так и во времена империи. Однако не их усилиями и не из-за того, что они существовали как таковые, греки и римляне процветали и быстрыми темпами развивались, обгоняя соседей. Пожалуй, дело обстояло как раз наоборот: именно потому, что античная структура предоставила все возможности для развития потенций гражданина, индивидуума и предпринимателя, защищенного необходимыми правами и гарантиями частного собственника, активного агента строго охраняемого государством рынка, у греков, а затем и римлян оказалось много рабов, которых они (к слову, в отличие от того, что обычно бывало на Востоке, вне античного мира) сумели умело и энергично использовать, включая продажу их рабочей силы и широкое применение их труда в производстве.

И если после крушения Рима у жителей западноевропейских королевств, а затем больших государств и империй Западной Европы рабов было вначале намного меньше, нежели во времена античности, а позже и вовсе не стало (порабощение и массовый вывоз черных рабов в Америку заслуживает отдельного разбора), то произошло это опять-таки потому, что античность как структура оказалась в состоянии кризиса, но вовсе не из-за того, что применение рабского труда в принципе оказалось в условиях более развитых производительных сил нерентабельным, как то склонны были объяснять сторонники истмата. Достаточно напомнить о том, сколь много рабов было в Византии после крушения Рима и в условиях расцвета все тех же «более развитых производительных сил» (а уж они, эти силы, были в Византии несравнимы с теми, которыми могли похвастать полуварварские королевства раннесредневековой Европы). Все обстояло иначе и намного проще: рухнула структура, выше всего ценившая потенции частного собственника и гражданина, индивида и предпринимателя, строго стоявшая на страже рынка. На авансцену европейской истории вышли слаборазвитые и во многом ориентировавшиеся на традиционную структуру классического Востока варварские королевства.

Ориентализировалась и Восточная Римская империя (Византия). А коль скоро процесс ориентализации рухнувшего и (что касается Византии) многое заимствовавшего у традиционного Востока Рима затянулся на достаточно длительное время, то нет ничего удивительного в том, что средневековая Европа как в своей классической феодальной, так и в византийской псевдофеодальной и весьма близкой к традиционной восточной форме уже весьма заметно отличалась от античности.

Как бы то ни было, но крушение античного мира после падения Рима означало, что проблема генерального пути развития человечества объективно вновь была поставлена под сомнение. Существует даже теория, согласно которой античность следовало бы расценивать как тупик. И хотя эта теория едва ли заслуживает серьезного внимания, она по-своему показательна: античность рухнула, и ее крушение показало, что что-то в ней было не так. Действительно, есть соблазн считать, что те, кто на верном

пути, кризисов не знают. Между тем это далеко не так. В состоянии кризиса могут оказаться любые структуры, в том числе и в принципе вполне жизнеспособные. Здесь многое зависит от рокового стечения обстоятельств, хотя не следует сбрасывать со счетов и внутренний кризис структуры как таковой, который был вполне очевиден в последние века существования Римской империи.

Не вдаваясь в сложнейшую конкретику ситуации, неоднократно и глубоко анализировавшуюся в многочисленных томах различных специалистов, можно, тем не менее, полагать, что в иных обстоятельствах (если скажем. Великое переселение народов происходило бы веком-двумя раньше либо позже) и судьба Римской империи могла бы оказаться иной. Античный Рим, предположим, смог бы найти в себе силы справиться с внутренним кризисом. Но, избегая подобного рода некорректных или, во всяком случае, не принятых у историков предположений, поставим вопрос иначе: было ли крушение Рима свидетельством и тем более доказательством того, что античный путь эволюции не оправдал себя, что исторически он несостоятелен?

Достаточно поставить вопрос именно таким образом, чтобы убедиться, что ни о тупиковости, ни о несостоятельности античности как феномена не может быть и речи. Напротив, как раз античная структура, причем только и именно она, к тому же в широчайшем диапазоне сфер и возможностей, создала наиболее благоприятнейшие условия для всестороннего развития человека и для выявления всех его потенций. И хотя это касалось не каждого человека, но лишь гражданина (а граждан в античном мире всегда было большинство, нередко подавляющее), сам по себе принцип – особенно на фоне противостоявшего античности всего остального мира – не только многого стоил, но и очень многое на практике гарантировал. Античность как норма жизни создавала принципиально новые возможности, и эти возможности, раз появившись и проявив себя, уже не могли быть забыты. Больше того, они создавали фундамент для нового, еще более серьезного прорыва человечества вперед.

Дело обстояло примерно так: если несколько веков расцвета античности убедительно выявили преимущества именно этой

структуры, то кризис и крушение ее отнюдь не заставили забыть о ней. Произошло нечто иное: снова была выдвинута на передний план объективная проблема активного соперничества между Востоком и Западом: кто кого? И на протяжении ряда веков после падения Рима действительно могло показаться, что западноевропейский феномен (в его единственном тогда известном античном варианте) исчерпал себя. Во всяком случае, он перестал олицетворять собой генеральную линию эволюции. Эта линия как бы заглохла. Более того, на фоне европейской разрухи и варварских завоеваний медленно эволюционирующий и недавно еще явственно выглядевший периферийным Восток в лице его передовых и наиболее богатых, процветающих государств (включая и ориентализировавшуюся Византию) с их развитой торговлей и обилием высококачественных товаров, произведенных опытными руками квалифицированных ремесленников, некоторое время в самом деле выглядел предпочтительней. Особенно это стало заметным после появления в ближневосточном регионе великой арабоисламской цивилизации, заместившей собой субцивилизации древности. Вспомним роль арабов расцветающего Халифата (VIII–X вв.) в эволюции очень слабо развитой в то время раннесредневековой европейской культуры.

Ситуация вновь стала решительно изменяться лишь после того, когда выяснилось, что античная традиция не умерла, что она сохранилась в рыночной почве европейских, прежде всего итальянских (Венеция, Флоренция, Генуя и др.), но также и иных (Ганза) городов и в ментальности христианизованного населения, включая и вчерашних варваров. И когда союз королей и городов сделал свое дело в сфере политики и экономики, а западное латинское христианство сумело подготовить европейские умы (по крайней мере частично) к восприятию древней античной системы ценностей, что затем завершилось реформацией самого христианства, быстро и с легкостью вновь выявилось преимущество западноевропейского феномена в его обновленной ренессансной предкапиталистической форме.

Итак, на протяжении всей средневековой эпохи (сам термин «средние века» уместен лишь для Европы; применительно к остальному миру он может быть принят лишь условно, для

удобства членения исторического процесса) практически сосуществовали две традиции – восточная и феодально-европейская, причем обе эволюционировали достаточно замедленными темпами, что и породило представление об их едва ли не равной традиционности. Можно сказать определенной: именно в эпоху средневековья восточные цивилизации достигли своего наивысшего расцвета, чему в немалой мере способствовал – наряду с исчезновением конкурента в лице античного мира – расцвет в передовых странах Востока производства и культуры. Богатые страны традиционного Востока с их медлительными темпами эволюции, с их склонностью к циклическому развитию по туго сжатой спирали, с их изысканной ментальностью, столь характерной для великих восточных цивилизаций, демонстрировали свою немалую жизненную силу, хотя и никак не стремились к ускорению темпов эволюции.

На фоне этого величавого медлительного существования, в ритм которого успешно вписалась и Византия, полунищия и недавно еще полуварварская феодальная Европа – во всяком случае, вплоть до XII–XIII вв., выглядела Золушкой. Но преимуществом Золушки, как то хорошо известно, были ее трудолюбие, энергия, а также помощь волшебных сил. Роль таких сил для феодальной Европы сыграли античные корни, которые не только не заглохли, но, как бы переждав невыигрышные для Западной Европы первые столетия средневековой эпохи, всю зацвели именно тогда, когда для этого сложились благоприятные обстоятельства. А остальное было делом техники, то есть тех самых трудолюбия, энергии, предприимчивости и постоянной готовности к ускорению темпов эволюции, которые (равно как и в случае с Золушкой) принципиально и структурно отличали как античность, так и ее наследницу, позднесредневековую Европу.

Специалисты по истории и историософии любят время от времени напоминать, что вплоть до XV в. Восток был впереди (это, в частности, излюбленный тезис китайских историков). Не станем спорить. Более того, согласимся с тем, что в этом веке китайский флот с его великолепными многопалубными фрегатами, каждый из которых вмещал до 800 человек, был несопоставим с тем, которым обладали португальцы с их шхунами. Но

зато на европейских шхунах были совершены величайшие плавания и сделаны открытия мирового значения, тогда как китайский флот после нескольких престижных экспедиций в страны южных морей был поставлен на прикол и уничтожен по той простой причине, что обслуживание его до предела истощило казну.

Это лишь один пример превосходства (весьма сомнительного) Востока. А точнее – принципиального несходства Востока с позднесредневековой, вновь напитавшейся античным духом предкапиталистической Европой. Полунищая, но готовая к великим свершениям Европа в том же XV веке не просто бросила вызов богатому и процветающему, как бы застывшему в своем величии Востоку. Она пошла своим путем, очертания которого были известны еще в античности. Но в новых исторических условиях этот путь обрел множество дополнительных преимуществ, которые и не снились самодостаточным – чтобы не сказать самодовольным – высокоразвитым и высококультурным странам средневекового Востока.

Очень важно обратить внимание на то, каким был тот фундамент, на который в подходящий для нее момент сумела твердо опереться вплоть до XV в. еще весьма отсталая, но зато уже готовая к рывку средневековая Европа. Снова стоит напомнить, что в основе ренессансного рывка лежали культура античного мира и великие идеи христианства.

Начнем с того, что античность в свое время поразила мир глубокой философской мыслью (вершиной ее были изречения Сократа, конструкции Платона и впечатляющая система Аристотеля), высокой культурой права и правовой демократической процедуры, в центре которой стояло уважение к человеку как гражданину и собственнику, чьи личность и имущество гарантированы системой власти (рабы, естественно, в счет не шли). Именно античность возвеличила Свободную Личность с ее богатым внутренним миром, с ее страстями и эмоциями, достигающими порой силы высокой трагедии, она открыла путь к развитию науки, будь то математика Архимеда или медицина Гиппократова, не говоря уже о технике и технологии, об архитектуре и скульптуре, театре и литературе. Даже в сфере военного дела ан-

тичность оказалась впереди всего остального мира, что было блестяще продемонстрировано завоеваниями Александра, да и не только его.

Трудно говорить о христианстве – слишком многое о нем уже сказано и слишком по-разному каждый воспринимает то, что дала европейцам вера, как таковая. Уже упоминалось, что для постренессансной Европы был достаточно характерным и даже распространенным атеизм и что церковь вынуждена была с ним мириться, при все том, что ею временами устраивались так называемые охоты за ведьмами, то есть попытки заставить всех силой принять учение Христа в его католической модификации. Но, оставляя все это в стороне, следует заметить, что очеловечивание Бога в лице Христа сыграло важную роль в том, что христианские идеи способствовали успешному освоению античного наследия. Твердость западноевропейского христианства в соблюдении моральных норм и та жесткость этической нормативной традиции, которой столь не хватало, в частности, на православной Руси, тоже играли немаловажную роль в формировании менталитета католиков Западной Европы.

Словом, позднесредневековая Европа имела прочный фундамент для своего расцвета. И как только этому стали содействовать обстоятельства, она стала энергично развиваться, причем едва ли не сразу во всех направлениях, будь то наука и философия, литература и театр, архитектура и строительство, ремесло и торговля и т. д. и т. п. Естественно, что в этих обстоятельствах снова вышло на первый план соперничество между двумя структурами, вечной неизменной восточной и оправившейся после кризиса европейской в ее обновленном и многократно улучшенном варианте. Но на сей раз вопрос о победителе в этом соревновании более не стоял. Вопрос исчез как таковой. Осталась убедительная проза жизни: жизнь показала, что отныне генеральная норма существования и основной путь эволюции более не принадлежат классическому Востоку во всех его многоликих модификациях. Нормой окончательно и надолго стал европейский путь эволюции, что и было блестяще продемонстрировано теми пятью веками, которые отделяют наши дни от эпохи Ренессанса, Реформации и Великих географических открытий.

24. Стагнация древних субцивилизаций Ближнего Востока

Оставим теперь на некоторое время Европу и вновь обратимся к Востоку. На протяжении веков, даже тысячелетий эталоном эволюции цивилизации был Ближний Восток. Разумеется, свою роль в истории мировой культуры играли и иные центры, будь то долины Инда и тем более Ганга, бассейны Хуанхэ, Янцзы и некоторых иных рек, не говоря уже о цивилизациях полуостровной и островной периферии, о которых ниже еще пойдет речь. Но при всем том основа, как то хорошо известно, была заложена на Ближнем Востоке.

Частично об этих цивилизациях (точнее – субцивилизациях, первичных и вторичных урбанистических цивилизациях) древнего мира и лежавших в их духовно-ментальной основе ранних религиозных системах уже шла речь в конце предыдущего раздела. Не повторяясь, обратим теперь внимание на динамику этих ранних цивилизационных образований. Эта динамика вполне соответствовала темпам эволюционного развития древнейших обществ, находившихся на начальных стадиях урбанизма и шаг за шагом осваивавших все новые ступени процесса политогенеза. На каждом этапе эволюции свои темпы, и поэтому медлительная многотысячелетняя история постепенного развития древних ближневосточных государственных образований никак не должна нас удивлять. Напротив, следует подивиться тому, сколь динамична она была, скажем, в Западной Азии – в отличие от Египта, хотя и в Египте на заключительном этапе его доарабского существования эволюционные перемены стали весьма и весьма ощущаться.

Мы легко можем вспомнить, как развивались города-государства Шумера, какую роль в этом развитии сыграли аккадцы и, в частности, объединивший все эти государственные образования в нечто политически цельное, еще в III тыс. до н. э. знаменитый Саргон Аккадский. Следует напомнить о грандиозных по тому времени экспериментах при так называемой третьей династии Ура на рубеже III–II тыс. до н. э. и о знаменитом Древневавилонском царстве, самым выдающимся правителем которого был Хаммурапи, известный каждому школьнику прежде всего и едва ли не

главным образом сводом законов, призванным упорядочить отношения в развивающемся обществе в интересах государства и его подданных, прежде всего исправных налогоплательщиков, и служащих аппарата власти (воинов). Можно напомнить, как на смену Древнеавилонскому царству пришла державная Ассирия, как ее сменило халдейское Нововавилонское царство Навуходоносора и Набонида, которое в свою очередь пало в VI в. до н. э. под ударом персов Кира II Великого.

И это еще далеко не все. К западу от Шумера и Вавилонии в те же древние времена или несколько позже, во II—I тыс. до н. э., существовали индоевропейские государственные образования митанийцев и хеттов, наибольший вклад которых в мировую культуру связан с одомашниванием лошадей и изобретением боевой колесницы, а в районе восточного Средиземноморья жили финикийцы с их торговлей, кораблестроением, мореплаванием и активной колонизацией средиземноморского побережья, а также иудеи, вклад которых в мировую культуру (речь прежде всего о монотеизме и тесно связанной с этой высшего типа религией Библией) не оценим. Ну и, наконец, протоэллины крито-микенской культуры, многочисленные государственные образования Малой Азии, Закавказья и т. п.

Из этого беглого очерка видно, сколь богата и насыщена была история древней Западной Азии до ее завоевания Ахеменидами, а затем и Александром, то есть до того, как на смену множеству различных по размерам, происхождению и уровню развития государственным образованиям глубокой древности пришли так называемые мировые державы, правители которых на основе пестрого конгломерата народов стремились (начиная с Ассирии) создать политически цельное и прочное государственное образование типа империи. На этом фоне замкнутый в узкую долину Нила Египет тысячелетиями выглядел своего рода белой вороной. Долгие полторы тысячи лет он был практически почти закрыт для регулярных внешних контактов, особенно с развитыми государствами Западной Азии. И лишь в середине II тысячелетия до н. э., после успешного нашествия гиксосов, эта традиция ушла в прошлое, а наиболее могущественные из его правителей, особенно Рамзее II Великий, стали активно вмешиваться в западноазиат-

ские дела, порой не без успеха.

Этот рост внешнеполитической активности как бы крепко связал долину Нила с Западной Азией, в результате чего вскоре после эпохи Рамессидов пришедший в упадок Египет оказался сравнительно легкой добычей сначала ливийцев и нубийцев, живших к северу и югу от него в Африке, а затем и азиатских империй, начиная с Ассирии. Примерно к этому же времени (I тыс. до н. э.) относится и начало активных контактов с Египтом античных греков, основавших в дельте Нила двойные колонии. Как известно, позже эти контакты усилились, а после завоеваний Александра Македонского Египет стал одной из наиболее богатых и процветающих провинций сначала эллинистического, а затем и римского мира.

Казалось бы, не приходится говорить ни о какой стагнации. Напротив, перед нами энергично, даже бурно развивающееся общество, активно сменяющие друг друга государственные образования, успешные попытки создания могущественных империй. Правда, в цивилизационном плане – не говоря уже о языковом родстве – между соединявшимися порой в рамках мощных империй отдельными регионами (персы именовали их сатрапиями) имелись определенные различия. Однако они не были слишком резкими. Выше уже говорилось как о сходствах, так и различиях между древними ранними религиозными системами. В том, что касается Ближнего Востока, это сходство особенно заметно: если оставить в стороне иудеев и эллинов, то в остальном религиозные системы были достаточно близкими друг к другу, отличаясь лишь второстепенными деталями (это относится, к слову, и к индоевропейским хеттам и митаннийцам).

И тем не менее именно Ближний Восток со всеми его древними народами, государствами и цивилизациями (субцивилизациями) и привычными для него темпами развития явственно стагнировал, что стало особенно заметно именно тогда, когда в бассейне Средиземноморья началась эпоха античности. И дело вовсе не в том, что политическая жизнь шла какими-то замедленными темпами. Как раз напротив, в этом динамика ощущалась, как заметна она была и в сфере перемещения народов, подчас не по их воле, и в активных торговых и культурных контактах. Не следует забывать и об успехах в сфере различного рода протонаук и наук, связанных с аб-

страктым мышлением, многолетними опытными наблюдениями (за небом, звездами, календарем и т. п.) или теоретическими рассуждениями религиозно-философского характера. Все это существовало и даже процветало в Египте и государствах Двуречья, где подобного рода наблюдениями и рассуждениями обычно занимались жрецы, являвшие собой достаточно замкнутое сословие грамотных и образованных священнослужителей (а в Египте по соседительству еще и чиновников высшего ранга).

Стагнация проявлялась в том, что ранние религиозные системы, как бы застыв на своем первоначальном уровне, не проявляли заметных и тем более успешных попыток к трансформации, радикальному переходу на новый, более высокий уровень развитых религиозных систем. Такого рода прорыв пытался было осуществить фараон Эхнатон, но неудачно. А в Западной Азии его сумели осуществить лишь иудеи, причем в двух последовательных и вполне успешных вариантах — ветхозаветном иудаизме и новозаветном христианстве. Однако небольшой иудейский народ сам оказался как бы на периферии ближневосточной традиции и свойственной ей цивилизации во всех ее многочисленных и в принципе равных один другому вариантах.

Хорошо известно, что иудеи в религиозно-цивилизационном плане, да и во многих других отношениях (достаточно напомнить о сравнительно позднем становлении у них государственности) кардинально отличались от всех остальных народов древнего мира и тем более Ближнего Востока. Это привело к тому, что осуществленный ими решающей важности прорыв с одного (раннего) уровня религиозной системы на другой (развитый) никем не был замечен и оценен. Да и сами они оказались — в отличие от родственных им арабов полтора тысячелетия спустя — не в состоянии реализовать свой успех. Напротив, иудеи как бы замкнулись в своей религии, находя удовлетворение в том, что их Великий Яхве считал именно их богоизбранным народом.

Это не значит, что иудаизм не распространялся в неиудейской среде. Тем более это относится к христианству, которое сами иудеи как этническая группа не приняли вовсе. Однако для распространения даже иудаизма потребовались экстремальные обстоятельства — уничтожение еврейского государства Римом и рассеяние самих

евреев по миру в начале нашей эры. Тем более такого рода обстоятельства (изгнание христиан, в том числе первых из них, иудеев по происхождению, из еще не разгромленного Римом, но доживавшего свои последние десятилетия еврейского государства) сыграли свою решающую роль в распространении христианства в Риме, а затем и в мире, в первую очередь в Европе.

Итак, экстраординарные обстоятельства сопутствовали и истории иудеев, и распространению их религии в обоих ее вариантах. Что же касается всех остальных ближневосточных народов со своими ранними религиозными системами, то там обстояло дело, как упоминалось, иначе. Ни один из этих народов и ни одно из созданных ими государств, включая и великие империи, не обнаружили в себе потенциал, необходимых и достаточных для того, чтобы создать собственную развитую религиозную систему. Попытку в этом направлении могли бы предпринять древние персы, для укрепления огромной империи которых развитая религиозная система очень бы пригодилась. Однако династия Ахеменидов по необъяснимым (во всяком случае, до сих пор не объясненным и непонятым) причинам решительно проигнорировала учение Зороастра, созданное незадолго до возникновения империи.

Трудно сказать, какую роль это немаловажное обстоятельство сыграло в том, что империя рухнула как карточный домик через два с небольшим века после ее создания под ударами небольшой, но хорошо организованной и ведомой великим полководцем армии эллинов. Но мы вправе предположить, что свою роль это сыграло, хотя и судьба сасанидского Ирана (III–VII вв.), где зороастризм был официальной государственной религией, вроде бы этого не подтверждает: арабы-мусульмане с легкостью уничтожили Сасанидов и практически без особых усилий ликвидировали зороастризм как религию (от нее на протяжении многих веков оставались лишь небольшие секты огнепоклонников в том же Иране и некоторых странах по соседству с ним, например в Индии).

Как бы то ни было, но в ближневосточном регионе – оставляя в стороне иудеев – на протяжении четырех с лишком тысяч лет существования там урбанистической цивилизации и достаточно разработанных форм государственности развитых религиозных систем не появилось. Именно это и следует считать наиболее нагляд-

ным и убедительным доказательством стагнации этого региона со всеми его субцивилизациями.

Но почему стагнация всей цивилизации (в данном случае совокупности региональных субцивилизаций) оказалась, если следовать логике нашего изложения, столь существенно зависевшей от состояния, уровня развития религии? Что позволяет ставить проблему таким образом, нет ли здесь заведомого преувеличения и тем более зависимости от конъюнктуры? Эти вопросы тем более заслуживают внимания, что в сфере материальной культуры стагнации заметно не было, по меньшей мере до расцвета античности. Да и сама-то античность немало взяла у ближневосточных культур, особенно у египетской (быть может, есть основания говорить и о влиянии со стороны Индии). Касаясь этих сложных проблем и не пытаясь вдаваться в конкретику, которая в состоянии увести нас слишком далеко от темы, следует обратить внимание на то, сколь весомую роль в истории человечества, тем более цивилизованного, всегда играла и играет проблема духовного комфорта.

Ранние религиозные системы были вполне достаточны для ранних цивилизованных обществ, для сравнительно небольших ближневосточных государств IV–II тыс. до н. э. Но с трансформацией Ближнего Востока, с переходом его истории на ступень имперских политических структур, когда под властью Ассирии, Вавилона, Ахеменидов или сподвижников рано умершего Александра оказывались гигантские и к тому же этнически гетерогенные сообщества народов, этого оказалось недостаточно. Объединить эти народы в рамках той или иной империи можно было силой. Наличие ее было исключительно важным, в некотором смысле решающим фактором для создания империи. Но одной ее было мало для сохранения империи на протяжении сколько-нибудь длительного времени. Нужно было то, что в наши дни мы привычно именуем идеологией. Нужна была идея, желательно Великая Идея.

Когда мы обратимся к анализу китайской цивилизации, выяснится, что такого рода Идеей не обязательно могла и должна была быть только развитая религиозная система, могли успешно функционировать и ее приемлемые для общества субституты, каким в

Китае стало конфуцианство. Однако в пределах древнего Ближнего Востока ни о чем подобном речи не было и быть не могло. Там абсолютно господствовали религиозные системы в полном смысле этого слова. Поэтому и Великая Идея могла там появиться лишь в форме Великой Религии. Могла, но, оставляя в стороне иудеев, не появлялась. Могла бы появиться, но (вспомним реформы Эхнатона) потерпела крах. Лишь на исходе античности она проявила себя в форме порожденного иудеями и ушедшего от них христианства. Но к ближневосточному району это уже имело лишь косвенное отношение, хотя и развивалось христианство прежде всего на его территории (Малая Азия, Сирия, Египет). Косвенное потому, что эти районы Ближнего Востока вскоре после начала нашей эры, когда в них стало распространяться христианство, были уже частью Рима, а затем Византии, то есть римскими и византийскими провинциями.

Великая Идея в форме христианства сыграла свою важную роль в истории Европы, как в древности (Рим), так и в период средневековья. Наложившись на достижения античности, о которых немало было сказано, она способствовала утверждению того самого импульса, который оказался одним из решающих в процессе изменения судеб западного мира. Ближневосточный же регион, вплотную столкнувшись после завоеваний Александра с феноменом античности и оказавшись под сильным и сознательным воздействием с его стороны (эпоха эллинизма, затем романизации), а также восприняв энергичное влияние со стороны римского христианства (преимущественно в его восточной византийской модификации), эту Великую Идею за свою не принял.

Почему не принял? Скорей всего потому, что она была сплетена с античной структурой, которую он отверг еще в эпоху эллинизма как не совместимую с его собственной. Разумеется, частично она была принята, во всяком случае в ее смягченной восточной (православной) модификации. Можно еще раз напомнить, что и Египет, и Сирия, и вся Малая Азия с примыкающим к ней Закавказьем были в эпоху господства над этими землями Византии христианскими. Но стоит также вспомнить и о том, с какой легкостью все эти территории с населяющими их разными народами (кроме разве что Закавказья и небольшой части сирийцев и египтян-

коптов) отринуты христианство, как только появилась Великая Альтернатива – ислам, чтобы убедиться в том, что христианская Идея даже в ее смягченной ориентализованной православной модификации была Ближнему Востоку навязана. Она не была воспринята им органично. А не произошло этого потому, что даже восточное христианство ассоциировалось в представлении народов Ближнего Востока с антагонистичным им Западом.

Неприятие чужой Великой Идеи и отсутствие собственной – это и было причиной и проявлением стагнации древних ближневосточных субцивилизаций, которые вследствие этого достаточно быстро одна за другой уходили в историю, в прошлое, в небытие. Разумеется, ушло в историю не все. Кое-что осталось в качестве фундамента ближневосточной культуры, на который впоследствии стал опираться ислам. Однако достаточно обратиться к исламу, чтобы убедиться в том, сколь мало в нем от духовной культуры ближневосточного прошлого. Все остальное ушло безвозвратно и ныне открывается лишь в процессе титанических усилий немалого отряда историков, археологов, искусствоведов, палеолингвистов и иных специалистов, подчас весьма узкого профиля.

Подводя итоги сказанному, можно было бы уверенно констатировать, что в единоборстве древних ближневосточных субцивилизаций с антично-христианской западной Великой цивилизацией вторая уже в первых веках нашей эры одержала решительную победу. Однако хорошо известно, что эта победа была недолговечной. Христианский Запад рухнул под тяжестью внутреннего кризиса и внешних ударов со стороны европейских варварских племенных протогосударственных образований как раз в то время, когда он имел все основания считать себя победителем в единоборстве с древним Ближним Востоком. И православная ориентализовавшаяся Византия мало чем ему могла в этом смысле помочь. Что же касается древних ближневосточных традиций, опиравшихся на традиционную структуру Востока и питавшуюся ее соками, то они не только не умерли, но, напротив, выждав подходящий момент, воскресли и расцвели с новой силой, примерно так же, как то произошло в иное время и в ином регионе в связи с феноменом европейского возрождения. Произошло это в связи с появлением на Ближнем Востоке ислама. И рассказ о том, как имен-

но и почему все это произошло, заслуживает специального внимания.

25. Великая Идея на Ближнем Востоке: ислам

Ислам является третьей и последней ветвью все того же древнеиудейского монотеизма. Но принципиальная разница между ним и первыми двумя, помимо всего прочего, заключается в том, что сами иудеи к его возникновению прямого отношения не имели. Косвенно иудаизм, как и христианство, повлиял на его появление на свет тем, что оказал существенное воздействие на формирование религиозного мировоззрения пророка Мухаммеда (570–632), основателя новой религии, создателя Великой Идеи, оказавшейся способной с успехом противостоять западному христианству, не говоря уже об иудаизме да и всех прочих религиях, включая и великие. Произошло все это в условиях и при обстоятельствах, которые оказались весьма благоприятными для ближневосточного региона.

На рубеже VI–VII вв. н. э. западноевропейский мир был в развалинах, а процветавшая Византия вела активную торговлю с Востоком, включая Индию. Постоянные войны между нею и достаточно сильным сасанидским Ираном нередко вели к тому, что наиболее удобный торговый путь через Двуречье оказывался перекрытым. В этих условиях расцвел более долгий, но зато абсолютно безопасный караванный путь по побережью Аравии. Торговля по этому пути и давала заработок и бедуинам, на чьих верблюдах грузили товары, и их шейхам или племенной верхушке в оазисах вроде Мекки, которые организовывали караваны и контролировали всю торговлю, получая хорошие доходы.

Мухаммед в свои молодые годы был служащим богатой вдовы Хадиджи, ведшей торговые дела (позже он женился на вдове и вел дела уже сам). Во время длительных караванных переходов, тянувшихся месяцами и сопровождавшихся торговцами из разных стран и разных вероисповеданий, включая иудеев и христиан, он, не имевший никакого образования и не знавший грамоты, внимательно слушал все то, что говорилось вокруг него. Его острый и пытливый ум в сочетании с эмоциональной и воз-

будимой психикой активно перерабатывал услышанное (речь главным образом о религиозных проблемах, об основах монотеистического мировоззрения) и приводил все узнанное в некую систему, истинность которой в его представлении авторизовалась являвшимся ему время от времени, в момент своего рода транса или медитации, Высшим Божеством, Аллахом (ал или эл – общесемитский термин для обозначения божеств).

Вначале Мухаммед не претендовал на то, что создает новую религию, и считал себя близким к иудеям. Однако позже, когда, оказавшись не признанным в Мекке соплеменниками, он отправился в город его матери Ятриб (позже — Медина, город пророка), где его признали и где он почувствовал себя пророком, излагающим новую Великую Идею, Мухаммед порвал с иудеями и призвал окружавших его арабов принять новую религию, сторонники которой стали именовать себя мусульманами (покорными).

Все то, что изрекал пророк, стало считаться волей Аллаха, избравшего Мухаммеда своим посредником. Когда после смерти пророка эти высказывания были записаны его секретарями-писцами и из всех вариантов был избран один (остальные уничтожены), этот текст и стал именоваться Кораном, несотворенной (переданной людям Аллахом) Книгой. Основные идеи, собранные в Коране и впитавшие в себя многое как из иудейского Ветхого Завета, так и из христианского Нового Завета, оказались весьма впечатляющими, причем арабы ощутили этот как раз в тот момент, когда караванный путь вокруг Аравии потерял свою актуальность, торговля вновь пошла в основном через Двуречье, а бедуины, их шейхи и население оазисов потеряли свои доходы и остались не у дел.

История судила так, что оставшиеся без занятий и средств к существованию арабы после смерти пророка с новой силой пережили подаренную им Великую Идею ислама и, сплотившись вокруг сподвижников пророка (четверых сменивших друг друга его заместителей-халифов), стали под зеленым знаменем ислама на путь завоеваний. Цель их была велика – нужно было обратить в новую религию неверных.

О завоеваниях арабов хорошо известно. За недолгие десяти-

летия они потеснили Византию, отняв у нее Сирию, Египет и часть Малой Азии, разгромили сасанидский Иран, завоевали всю северную Африку и вступили на территорию Испании. Когда на смену первым четверым избравшимся халифам пришел наследственный халифат Омейядов (661–750, затем его сменил халифат Аббасидов, 750–1258), это означало, что на территории Ближнего Востока (да и далеко за ее пределами) появилась новая империя. Но теперь это было принципиально иное по сравнению с прежними государство. Фундаментальной основой Халифата стала Великая Идея, легшая в основу Великой ближневосточной цивилизации.

Завоеватели-арабы с легкостью одерживали победы и требовали от местного населения вначале лишь политической покорности. Однако сразу же вслед за ней выдвигались и иные условия: те, кто принимал ислам, освобождались от подушной подати-джизии и должны были платить облегченный налог-десятину. Остальные платили и подать, и тяжелый поземельный налог-харадж, который был не менее трети урожая, а порой значительно больше. Эта экономическая политика действовала безотказно, так что уже вскоре после завоевания население завоеванной страны оказывалось в значительной своей части исламизованным. Кроме того, все делопроизводство и вся духовная жизнь вновь завоеванных стран переводились на исламский манер. В основу обучения в школах были положены Коран и толкования к нему, а также книги священного предания Сунны. Вся судебная практика опираясь на законы шариата, книги-масхабы которого лежали в основе мусульманского права. А так как все эти и многие иные тексты были только на арабском языке, причем переводить их на другие запрещалось, то неудивительно, что сперва образованная элита Халифата, а затем и все остальное население стали подвергаться процессу арабизации. Исламизация и арабизация шли бок о бок, так что достаточно скоро, уже через век-два после завоевания, империя халифов обрела прочную идейно-религиозную основу, сплотившую все население и, главное, превратившую большую его часть в арабов.

Разумеется, не все завоеванные арабами территории стали арабскими. Свой язык и свою культуру сохранил Иран, где полу-

чила широкое распространение оппозиционная ветвь ислама – шиизм. Обращенными в ислам, но не потерявшими своего языка и культуры оказались турки, значительная доля земель которых оказалась вне границ Халифата (позже, как известно, Османская Турция стала наследником распавшейся империи халифов и вновь объединила, правда, не на слишком длительный срок, большую его часть). Но, тем не менее, именно халифат проложил дорогу исламу. И та легкость, с какой потомки древнего населения Двуречья, Египта и многих иных ближневосточных стран приняли ислам и превратились в новый этнос, заговорили чужим языком, стали в конечном счете арабами, говорит нам о силе Великой Идеи, которую несла с собой новая религия. В чем же она, эта сила?

Как религия ислам до предела прост. Нет Бога, кроме Аллаха, и Мохаммед – пророк Его – вот, пожалуй, главное и основное в ней. Каждый, кто принял этот постулат и произнес эту священную формулу, становится мусульманином. Став им, однако, он приобретает ряд важных новых обязательств, к числу которых относится пятикратная ежедневная молитва, месячный пост (от утренней зари до вечерней в священном месяце рамадан), милостыня-закят (для имущих) и хадж. Кроме того, считается, что любой мусульманин готов в случае нужды отдать все свои силы для борьбы под зеленым знаменем ислама, вплоть до священной войны с неверными (джихад). Нормы шариата и обычного права (адата) строго следят за повседневным поведением каждого правоверного. Ограничения достаточно строги как для мужчин, так и, особенно, для женщин. Эти ограничения тем более жестки, чем более строго в данной стране соблюдаются традиции ислама, особенно оппозиционного, шиитского.

Религиозная философия ислама во многом совпадает с библейской, но имеет и некоторые специфические особенности, которые, впрочем, важны для ученых знатоков ислама (улемов) и мало касаются среднего мусульманина. Главное же в исламе то, что в нем религия проникает всюду, что в исламских обществах нет ограничений для нее. Нет сферы, которая была бы свободна от нее. В частности, это относится к политике.

Политика играет важную роль в любой из монотеистических

религий – на то они и монотеистические, то есть официально санкционирующие господствующую веру в единого Бога. Но религия и политика могут сочленяться по-разному. Для католической Европы эта связь приняла, как известно, форму ожесточенной борьбы между папами и императорами за политическое верховенство. Временами в этой борьбе одолевали папы, но в конечном счете победа досталась императорам. В Византии императоры сами считались кем-то вроде первосвященников, хотя формально существовало по меньшей мере четыре православных патриарха. Впрочем, ни один из этих патриархов реальной власти не имел; напротив, все они вынуждены были склонить голову перед императорами. Резюмируя, следует заключить, что в христианском мире претензии религии на власть, причем не только духовную (а они существовали едва ли не всегда), оказались несостоятельными. Иное дело – мир ислама.

Здесь с самого возникновения монотеизма практически основной смысл его был в том, что религия и политика едины, а глава государства является и главным лицом в религиозной иерархии страны (исключения существуют лишь у шиитов, которые признают духовными руководителями священных имамов и их представителей, формально стоящих выше правителей). И в этом была прежде всего сила исламского монотеизма. Но она была не только в этом. Она заключалась в тотальности ислама. Ислам был везде и повсюду, он становился сутью всего остального. Это касается сферы семьи и повседневного быта, образования и культуры, литературы и искусства, науки и производства, вплоть до предпринимательства и финансов. В любом виде деятельности, везде и всегда ты прежде всего мусульманин и лишь после этого обычный человек, мужчина и женщина, богач или бедняк, правитель или подданный и т. д. и т. п.

Для мусульман нет этнических или расовых различий – точнее, они несущественны. Если ты мусульманин, значит ты состоишь в великом братстве правоверных, принадлежишь к умме. И любой правоверный поддержит тебя в случае конфликта с неверными, религиозно чуждыми. И нет в этом смысле в мире религии, более нетерпимой к чужакам. Конечно, они сосуществуют рядом с правоверными, порой в немалом количестве. И

существуют определенные нормы, регулирующие их статус и право на жительство и деятельность. Однако при всем том чужаки всегда остаются чужаками, причем это очень явственно выражено. Так, например, есть некоторые общие правила (например не употреблять спиртное), которых они обычно обязаны придерживаться, коль скоро живут в исламском государстве. Я уж не упоминаю о том, как обязан вести себя неверный по отношению к женщине в этом государстве, где каждая женщина всегда должна быть закрытой от нескромных взглядов и где прикоснуться к ней, даже случайно, крайне нежелательно. Интересно заметить, что, практикуя многоженство, мусульмане охотно берут себе в гаремы чужих женщин, но своих, мусульманок, замуж за чужаков, как правило, не отдают, что играет свою роль в том, что численность мусульман обычно возрастает повышенными темпами.

Итак, ислам тотален и всепроникающ. Он жесток и нетерпим. Сливаясь с любой сферой жизни, он присутствует в твоей жизни всегда и везде, его нужно либо принимать (став мусульманином), либо терпеть (вынося все то, что каждому иноверцу выпадает на его долю в мусульманской стране). Но этим сила ислама не ограничивается. Исступленная вера, вера не только во всемогущество Аллаха и недостижимую мудрость его великого пророка, но и в абсолютное превосходство правоверных с их сложившимся образом жизни по сравнению со всеми неверными, особенно с теми, кто склонен терпеть разврат западной цивилизации, придает этой силе энергетический потенциал каждого правоверного. Мусульмане всегда считались и всегда были хорошими воинами, причем одна из важных причин этого в том, что воин Аллаха не боится смерти в борьбе за правое дело. Он искренне готов (во всяком случае, в подавляющем большинстве) отдать за это дело свою жизнь.

Готовность жертвовать собой во имя великого дела свойственна любой жесткой и нетерпимой идеологии, ибо является частью соответствующего воспитания. Как известно, камикадзе встречаются в разных странах. Однако среди воинов ислама их можно встретить чаще всего и в наибольшем количестве. Среди факторов, содействующих этому, – фатализм мусульман (без

воли Аллаха и волос твой не упадет) и тесно связанный с ним фанатизм, то есть все та же основанная на вере готовность жертвовать собой во имя правого дела. Именно фанатизм способствовал тому, что ислам всегда находил добровольцев-сектантов типа карматов или исмаилитов-ассасинов, да и любого другого происхождения федаев-фидайнов, борцов за веру, специально подготовляемых к тому, чтобы в нужный момент совершить террористический акт и умереть.

В исламе много полезного и практичного для людей. В нем можно найти и элементы социальных гарантий для всех правоверных (закят обычно предназначается для бедных), и солидарность людей друг с другом (готовность помочь тому, кто оказался в беде), и уважение к грамотности, знанию, учености (разумеется, исламской или санкционированной исламом), и строгий моральный стандарт в повседневной жизни. И хотя наряду с этим всегда отчетливо выступает на передний план инерция традиции, в наши дни порождающая активную ностальгию по прошлому, выражающуюся в форме фундаментализма во многих его проявлениях, включая крайний экстремизм, это тоже в конечном счете составляет немалую внутреннюю силу ислама. Силу, основывающуюся на фанатичной вере и в то же время на привычной традиции с ее жесткими моральными заповедями.

Великая Идея, появившаяся на Ближнем Востоке после тысячелетий господства там либо основанных на раннерелигиозных системах различных местных субцивилизаций, либо старательных попыток включить этот древнейший регион урбанистической культуры в сферу влияния антично-христианского мира, стала той самой Альтернативой, которая сумела сплотить воедино многие народы и оказаться реальным противовесом Западу. Успеху ислама в немалой степени способствовало, как о том уже вскользь было упомянуто, то важное обстоятельство, что Европа в первые века его распространения лежала в руинах. Культурный потенциал исламизованного Ближнего Востока, немало заимствовавшего от своих предшественников, включая пласты эллинизма и раннего христианства, был огромен. Во всяком случае, несравним с потенциалом варварских королевств раннесредневековой Европы. И на протяжении ряда веков имен-

но европейский Запад заимствовал многое у арабов, чье влияние ощущали на себе и торговые города, и университеты, и даже христианская церковь.

Но главное все же было в том, что Альтернатива ближневосточного региона провела резкую грань между сферами влияния Европы и ее соседей на Ближнем Востоке. А усиление турок, падение Византии и превращение арабо-исламского мира в тюрко-арабо-исламский (имеется в виду лишь ближневосточный регион, о котором идет сейчас речь) сделало эту грань еще более резкой, придав ей к тому же элемент постоянной конфронтации, столь характерной для позднего европейского средневековья. На протяжении достаточно долгого времени эта конфронтация была весьма серьезной и, если не считать испанскую реконкисту, в основном не приносила европейцам заметного успеха.

Мир ислама не только жестко и активно противостоял христианскому Западу, но с течением времени, а во многом и в результате такого противостояния, стал как бы подчеркнуто антизападным, антихристианским (это, к слову, предопределило принципиальную неудачу попыток обратить мусульман в христианство, что хорошо поняли на своем печальном опыте христианские миссионеры времен колониализма). Это можно считать неким парадоксом: религия, порожденная библейским монотеизмом (Коран несет в себе огромное количество соответствующих заимствований, причем не только в идеях, но и в мелочах, деталях, именах), оказалась наиболее враждебной европейскому Западу в принципе, в том числе по сравнению с другими, много более далекими и чуждыми Западу развитыми религиозными системами и великими цивилизациями Востока, о чем уже упоминалось. Но парадокс здесь только кажущийся. На самом деле, как то хорошо известно, именно расходящиеся между собой фракции прежде общей группы единомышленников обычно наиболее непримиримы по отношению друг к другу. В этом есть свой резон: вчерашние единомышленники активно борются за свое утверждение, и оно должно быть реализовано прежде всего именно по отношению к тем, кто вчера был рядом. Только добившись этого, можно с уверенностью говорить о сильной альтернативе.

Как бы то ни было, но с возникновением ислама Ближний Восток стал принципиально другим. Разумеется, многое из его фундамента осталось и было умело и с пользой заимствовано мусульманами, как многое было взято и из библейской и даже эллинистической традиции. Но, переварив все заимствованное и выдвинув на передний план многое из своего, нового, ислам сумел добиться того, чего никогда не было на Ближнем Востоке ранее, на протяжении ряда тысячелетий. Он дал этому региону Великую Идею, которая сплотила всех и легла в основу пусть самой поздней, но зато наиболее сильной и наиболее непримиримой по отношению к Западу великой восточной цивилизации.

26. Индо-буддийская цивилизация

Происхождение индо-буддийской цивилизации восходит, как известно, к появлению ариев в долине Ганга. Вторжение индоевропейцев в эту долину, происходившее, судя по имеющимся данным, волнами на протяжении второй половины II тыс. до н. э., привело к уникальному в истории результату: не смешиваясь с аборигенным субстратом, арии создали четырехварновый социум, три высшие варны в котором (жрецы-брахманы, правители и воины кшатрии, а также обычные производители, земледельцы и скотоводы вайшьи) считались привилегированными потомками ариев, дважды рожденными, то есть проходившими через древнеарийский обряд инициации, тогда как в четвертую варну шудр были включены практически все прочие, начиная с аборигенов долины Ганга. В рамках этого социума существовало строгое разделение труда. В частности, вся сфера духовной культуры оказалась монополией брахманов, которые сохраняли в своей памяти древние религиозные предания (веды), передавая из поколения в поколение их дословный текст, равно как и многочисленные, со временем все возраставшие в количестве и дробившиеся по форме комментарии к ним.

Ведическая культура индоариев благодаря высокому социальному положению брахманов в древнеиндийском социуме быстрыми темпами прогрессировала, что способствовало ее развитию и, в частности, появлению на свет новых форм религиозно-философской мысли (упанишады с комментариями к ним, а также доктри-

нальные и практические разработки в рамках различных систем-даршан, будь то санкхья или йога). Развитие религиозно-философской мысли на протяжении тысячелетия (середина II – середина I тыс. до н. э.) на высоком уровне эзотерических размышлений привело к тому, что древнеиндийская духовная культура обрела уникальный облик. Не имея масштабных религиозных сооружений наподобие ближневосточных, где раннерелигиозные представления политеистического характера привели к созданию многочисленных храмовых центров, ставших фундаментальной основой урбанистической культуры и имевших весьма тесную связь с государственной администрацией, эзотерическая духовная культура брахманов тем не менее резко отделяла себя не только от народа, но и от правителей и воинов (кшатриев). Это как раз тот случай, когда религия в весьма жесткой форме отделила себя не только от политики, но и едва ли не вообще от всего мирского (при всем том, что сами носители этой религии, брахманы, не только уважались, но и щедро вознаграждались и были весьма богатыми и влиятельными людьми, не говоря уже о том, что кое-кто из них занимал порой и важные административные посты).

Это не означает, что брахманы не удовлетворяли повседневных религиозных нужд (обряды, жертвоприношения и т. п.). Здесь нареканий не было и быть не могло. Именно за это они получали богатые и щедрые подношения. Более того, брахманы охотно внедряли в обиход конечные итоговые результаты своих благочестивых религиозно-философских размышлений, знакомили людей с представлениями о перерождениях (реинкарнации) и роли кармы в этом важном процессе, обеспечивающем вечный кругооборот всего живого (колесо сансары). Они учили людей видеть высшую ценность своего предназначения в выходе за пределы профанической сансары во внефеноменальный мир Великого Брахмана и в слиянии с ним там, залогом чего, в частности, является Атман, мельчайшая частица, эманация Великого Брахмана в каждом из них. Разрабатывали брахманы в рамках систем-даршан и конкретные пути к упомянутому слиянию, однако это уже предназначалось не для всех, но только для избранных, прежде всего, если даже не исключительно, для самих брахманов. Именно так и возник древнеиндийский брахманизм, выполнявший в бассейне Ган-

га роль развитой религиозно-философской системы – той самой, уровня которой не достигла в ближневосточном регионе ни одна из известных субцивилизаций (во всяком случае, до ислама и не имея в виду иудеев).

Брахманизм поднял планку духовной культуры в Индии на очень высокий уровень. Практически именно это обусловило всю ориентацию великой индобуддийской цивилизации, высшие ценности которой всегда находились во внефеноменальном мире, а неумолимый закон кармы, то есть суммы добрых и злых дел, баланс которых определяет форму твоего перерождения (ты имеешь шанс возродиться брахманом, но можешь оказаться и шудрой, а то и вообще животным, жалкой мошкой и т. п.), диктовал каждому смиряться перед горькой участью реального бытия и, примерно ведя себя, надеяться на лучшее в неясном посмертном будущем. Такого рода ориентация весомо определяла позицию и поведение каждого, заставляла всех высоко ценить свое варновое происхождение, что в свою очередь со временем привело к появлению более дробной, но в принципе аналогичной варнам системы каст, которых ныне насчитывается в Индии не менее полутора тысяч.

Социальные позиции и духовные привилегии брахманов вызвали острое ощущение неполноценности прежде всего у соперничавшей с брахманами высокопоставленной касты кшатриев, фактически управлявшей возникавшими в бассейне Ганга государствами. И хотя в системе администрации использовались и брахманы, они были в ней в меньшинстве, а их варновые привилегии лишь обостряли недовольство кшатриев и противостояние между обеими высшими варнами. Именно это вызвало к жизни появление во второй половине I тыс. до н. э. альтернативных доктрин, в частности джайнизма и буддизма. Созданные, по преданию, выходцами из кшатриев, эти религиозные учения, доктринально сходные, имели различную судьбу. Джайнизм стал религиозно-этическим учением меньшинства и сохраняется в Индии на протяжении тысячелетий в качестве своего рода экзотики со святыми аскетами, титанами духа, не желающими осквернять себя лишней материей (достаточно напомнить об абсолютно голых дигамбарах, наиболее тщательно соблюдающих принцип ахимсы то есть непричинения зла всему живому), тогда как буддизм оказался

великой мировой религией, но за пределами Индии.

Главным отличием и джайнизма, и особенно буддизма – по сравнению с классическим древнеиндийским брахманизмом – было появление института монахов, то есть не просто удалившихся от людей и ведших аскетический образ жизни отшельников, но сознательно отгородивших себя от живущих рядом с ними людей религиозными подвижниками, ограничившими себя во всем ради достижения великой цели – разрыва с миром феноменов, с кругооборотом сансары и ухода в мир Высшего Абсолюта, который у джайнов именовался мокшей, а у буддистов – нирваной. Давший обет монах обратного пути уже не имел, а группы таких монахов, что стало со временем особенно характерным для широкими темпами распространявшегося буддизма, образовывали сангху (общину) и строили себе специальное жилище, монастырь. Монастырская жизнь с течением времени стала нормой для буддийских монахов. А правила жизни в монастыре определялись текстами Винаи (Винаяпитака), которые наряду с Сутрапитакой и Абидхармапитакой, сутры которых излагали суть буддизма, составили буддийский канон, Трипи-таку.

Философия буддизма, многое заимствовавшая у древнего брахманизма, была достаточно глубокой и хорошо разработанной. Главное в ней сводится к тому, что окружающий нас мир – иллюзия, хотя она и существует объективно. Все живущее в мире состоит из мелких частиц мироздания, дхарм, чье безначальное и вечное волнение создает то движение, которое и есть жизнь. Успокоить волнующиеся дхармы – значит взять жизнь в свои руки и, действуя по разработанным нормам (в частности с помощью медитации), достичь нирваны. А поскольку, согласно заповедям Будды (четыре священные истины), жизнь есть страдание, происходящее от привычной жажды бытия, то целью каждого правоверного буддиста должно быть стремление к уничтожению этой жажды и тем самым уничтожению страдания, что только и открывает путь к нирване.

Считается, что первоначальный буддизм возник в форме Тхеравады, или Хинаяны (малый путь спасения – только для монахов). Чуть позже появилась Махаяна (большой путь спасения, дающий шанс и сочувствующим, помогающим монахам мирянам;

им содействуют бодисатвы, и они могут за свои добродетельные поступки попасть в буддийский рай). Судьба обеих была в чем-то сходной: укрепившаяся на юге, вначале на Цейлоне, Тхеравада постепенно покинула Индию, став религией стран Индокитая, тогда как возникшая на севере Махаяна, просуществовав в пригималайских районах Индии около тысячелетия (но не оказав на народы самой Индии существенного влияния), стала уже в начале нашей эры распространяться на восток.

В Индии буддизм не сумел укрепиться потому, что он не вписался в жесткую систему каст. Поэтому там продолжал господствовать брахманизм, трансформировавшийся на рубеже нашей эры в индуизм с его множеством высокопочитаемых богов во главе с великой троицей-тримурти (Брахма, Шива и Вишну, последний с аватарами типа Кришны, Рамы и других). Сердцевиной брахманизма и индуизма оставались брахманы, многочисленные касты которых оставались самым влиятельным социальным слоем в Индии и по-прежнему крепко держали в своих руках монополию, если и не на всю духовную культуру, то, во всяком случае, на религию населения. Таким образом, развитой религией Индии и фундаментом основной модификации великой индо-буддийской цивилизации с начала нашей эры стал индуизм. Фундаментом других модификаций этой цивилизации стали махаянистский и хинаянистский буддизм. Первый получил наибольшее распространение в Китае, Корее, Японии, а затем в новой форме ламаизма в Тибете и Монголии. Зоной распространения и господства второго стали страны Юго-Восточной Азии, как полуостровные (Индокитай), так и островные (Индонезия), не говоря уже о Цейлоне.

Индо-буддийская цивилизация как нечто великое и цельное состоит, таким образом, из трех основных модификаций, причем не все они могут считаться господствующими в тех странах, где получили распространение (в частности это касается Китая). Тем не менее всюду, где ощущается их влияние, и особенно там, где индо-буддийская цивилизация, как и являющиеся ее фундаментом религии (индуизм и буддизм в обеих его формах, включая и тяготеющий к Махаяне ламаизм) господствуют (а это огромный регион Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии), Восток

уже иной. Он мало похож на Ближний, как в доисламской, так и исламской форме.

Прежде всего, индо-буддийский Восток отличается завидной терпимостью, никому никогда не навязывая ни свои представления о должном, ни образ жизни. Это не означает, конечно, что сама среда не действует на каждого, кто обитает на данной территории и включен в соответствующий социум. Рожденный индуистом (или буддистом) и живущий вместе с единоверцами, человек сам столь же естественно становится индуистом (или буддистом), как начинает говорить на родном языке. Но при всем том он, в отличие от мусульманина, не считает именно себя и свое окружение, своих соотечественников правоверными. Напротив, он с полным уважением относится к верованиям других, не видя в них неверных, то есть заведомо отклоняющихся от пути истинного. Да и вообще вопрос веры здесь не имеет такого социально важного значения, как на исламском Ближнем Востоке, где религия тесно переплетена с политикой и со всеми прочими сферами жизни социума. Напротив, на индо-буддийском Востоке религия является как бы частным делом каждого.

Пассивность индо-буддизма как религиозной системы связана прежде всего с тем, что над каждым довлеют законы кармы, и каждый волен следовать им в меру своих возможностей и усилий. В Индии индуист, особенно брахман, обычно в конце жизни идет в аскеты-отшельники и стремится вырваться из круга сансары, слившись с Великим Абсолютом-Брахманом. В общине джайнов перед любым открыта возможность стать дигамбаром и достигнуть мокши. В буддийских странах мирянин вправе вступить на нелегкую стезю монашеской жизни и спасти свою душу в нирване. Но это никак не означает того, что все станут поступать именно таким образом. Подавляющее большинство населения к этому не стремится и на суровые испытания даже ради достижения высшей цели и вечного блаженства не пойдет. Зато каждый может беспрепятственно принять иную религию, в том числе ислам, как то случилось в позднем средневековье со многими как в индуистской Индии, так и в развивавшихся долгое время под влиянием индо-буддизма странах Юго-Восточной Азии.

К слову, явно выраженная социально-политическая пассив-

ность индуизма и буддизма не помешала этим религиям в свое время, в раннем средневековье, практически беспрепятственно проникнуть в Китай, Корею, Японию и страны Юго-Восточной Азии. Впрочем, к вопросу об историческом соперничестве восточных религий и цивилизаций мы обратимся чуть далее. Пока же речь о третьей из великих цивилизаций Востока, о китайско-конфуцианской.

27. Китайско-конфуцианская цивилизация

Дальневосточный регион мировой культуры во многом специфичен. Если во времена неолита духовная жизнь протокитайцев бассейна Хуанхэ – насколько о ней можно судить по росписи на керамике и некоторым другим артефактам – в общем и целом не слишком отличалась от той, что была характерной тогда в других регионах (богатство мифологии и т. п.), то с появлением урбанистической цивилизации и первых протогосударств здесь многое изменилось. Стоит обратить особое внимание на историческую амнезию шанцев, в чьих богатых архивах (надписи на гадательных костях) специалисты не в состоянии найти следы исторического прошлого ни в легендарно-героической, ни в мифо-поэтической форме. С начала Чжоу (рубеж XI–X вв. до н. э.) ситуация в этом смысле стала иной. Стремясь удержаться у власти, чжоусцы сформулировали идею о Мандате Неба, который вручается добродетельному правителю и отбирается у недобродетельного. Эта идея, основанная на принципе этического детерминизма, стимулировала явственный акцент на совершенствование формального церемониального ритуала, символизировавшего этически безупречное поведение и фактически заместившего собой религию как таковую.

Последующее развитие вызвало к жизни нарочитый акцент на историю, простор для свободной интерпретации которой предоставила упоминавшаяся уже историческая амнезия шанцев. Именно из искусственно созданных псевдоисторических эталонов (начиная с мудрого управления Поднебесной великими Яо, Шунем и Юем, будто бы заложившими фундамент мощной централизованной империи) создавалась Великая Китайская

Идея, суть которой сводилась к тому, что чжоуской удельно-феодальной системе с ее деструктивными междоусобицами следует положить конец. Эту идею подхватил и развил Конфуций (551–479 гг. до н. э.), создавший достаточно стройную доктрину социальной Гармонии и ее вечного развития за счет постоянного самоусовершенствования каждого из жителей Поднебесной. Сделав акценты на чувстве гуманности, долга и справедливости, воспев культ предков, сыновнюю почтительность и тем самым строгий порядок в семье и обществе, провозгласив примат нормативной морали и приложив немало усилий для формулировки идеала административно-политического совершенства (в стиле все тех же Яо, Шуня и Юя), Конфуций надежно укрепил фундамент древнекитайской цивилизации.

И хотя идеалы Конфуция одержали верх в Поднебесной далеко не сразу, стоит обратить внимание на то, что соперничавшие с его учением доктрины (моизм, даже жестко-циничный легизм) преследовали в конечном счете аналогичную цель создания крепкой централизованной империи. Равнодушными к этой цели были разве что даосы, пафос учения которых сводился к созданию метафизических конструкций в брахманистском стиле (Великое Непознаваемое Дао как Абсолют) и к уходу от развитой цивилизации, к опрощению и слиянию с природой. А коль скоро логика эволюции древнекитайской политической структуры вела к постепенной ее дефеодализации, чему способствовали и объективные процессы экономического развития, то нет ничего удивительного в том, что эти обстоятельства, значимость которых многократно увеличивали объединенные усилия ряда философских школ, в конечном счете привели страну к желанной цели. Возникла огромная империя, вначале построенная по легистской модели, а затем, буквально через пару десятилетий, начавшая перестраиваться по заповедям Конфуция, усовершенствованным его последователями.

Патернализм конфуцианства сыграл огромную роль в создании гигантской административно-бюрократической структуры, ставшей надежным хребтом великой империи. Строгое чиновничество и официально декларируемая забота верхов о народе, четкое деление на старших и младших, управителей и произво-

дителей способствовали созданию жесткой конструкции имперской структуры. А венчал эту конструкцию воспетый в древности идеал Великого Единения (датун), Безупречной Гармонии и Строгого Порядка. Место религии прочно заняли официально санкционированная строгая и очень развитая, в деталях распланированная этическая норма (китайские церемонии), а также высоко ценившийся ритуал, взывавший не столько к чувству, сколько к рассудку (хотя справедливости ради стоило бы подчеркнуть, что по китайским понятиям сердце было вместилищем разума, рассудка, и это по меньшей мере свидетельствует о тенденции к основательному сближению чувства и разума).

Конфуцианство превратилось в официальную государственную идеологию в начале династии Хань (II в. до н. э.), причем созданная на его основе средневековая китайская цивилизация, в отличие от других, оказалась, таким образом, не связанной с религией, тем более с развитой религиозной системой. Небо было Высшей Регулирующей силой, в принципе лишенной мистики и вполне рационалистически воспринимаемой и трактуемой. Для других божеств в рамках этой идеологической системы места не было. Да и сама система в них просто не нуждалась. Иное дело — люди. В их душе всегда оставалось место для мистического, и это место конфуцианство не было в силах заполнить. Эту незанятую духовную нишу пытались освоить даосы и кое в чем здесь преуспели. Однако высокий философский даосизм Чжуан-цзы и Лао-цзы уже в начале нашей эры выродился в достаточно примитивную религию, которой придало новые силы и интеллектуальную мощь лишь появление в эти же века в Китае буддизма.

Буддизм Махаяны стал проникать на китайскую почву в самое выгодное для этого время: рухнула под ударами очередного династийного кризиса империя Хань, а на смену ей пришел длительный период (III–VI вв.) децентрализации и междоусобиц, что всегда неизбежно ослабляло конфуцианскую структуру. Именно в этих наиболее благоприятнейших для себя условиях буддизм стал занимать ту самую свободную, не освоенную еще целиком даосами нишу и удовлетворять потребности людей в религиозном осмыслении мира как раз в то самое время, когда эти по-

требности – в ситуации все более очевидной неустойчивости бытия – заметно возрастали и усиливались.

Известно, что укрепиться на китайской почве буддистам на первых порах очень помогли даосы. Позже интересы обеих религиозных систем разошлись, но в любом случае даосизм и буддизм всегда как бы противостояли конфуцианству, влияя на людей в той сфере, где эта рационалистическая доктрина не имела власти. В итоге со временем сложилась некая гигантская система религиозного синкретизма с ее необъятным пантеоном высокопочитаемых божеств, духов, героев и бессмертных, в рамках которой всем трем учениям с их основателями (включая обоготворяемого Конфуция) нашлось свое место, причем все они имели определенное влияние на общество. И эта система в общем и целом вполне удовлетворяла империю и ее правящие верхи.

Китайская империя – достойный внимания пример сбалансированной структуры. Хотя время от времени она начинала шататься и даже рушилась под ударами очередного династийного кризиса, а периоды децентрализации порой продолжались достаточно долго, она тем не менее всегда находила в себе силы для регенерации. Силы эти были заложены в ней самой, в ее идейно-институциональном фундаменте, а конкретнее – в имперском официальном конфуцианстве. Конфуцианская империя создала высокоэффективную административно-бюрократическую иерархию, ряды чиновников в которой заполнялись главным образом с помощью хорошо продуманной системы государственных экзаменов, открывавших двери наверх для всех умных, способных и амбициозных. Империя (здесь, правда, больше заслуг у скомпрометировавшего себя жесткими методами легизма) создала стройную систему бюрократической лестницы, склонной, как и любая развитая бюрократия, к коррупции, но притом жестко контролируемая всевластными органами прокурорского надзора, ревизоры которого имели почти неограниченные полномочия, вплоть до права докладов лично императору.

Результаты были почти оптимальными. Конфуцианская цивилизация, если не считать спорадических кризисов и смен династий, иногда основывавшихся предводителями крестьянских восстаний или вождями северных кочевых племен, оказалась не-

потопляемой. Менялись правители и подданные, уходили в прошлое династии и тысячелетия, но традиция, основы которой были заложены в первую очередь Конфуцием, справедливо почитавшимся в империи Великим Учителем, делала свое дело. Более того, она воспитывала в людях определенные весьма ценные качества. Среди них – умение довольствоваться малым и при этом всегда стремиться к большему, постоянная почти автоматическая тяга к усиленному самоусовершенствованию, практически полное отсутствие лени и склонности к социальным порокам при завидном трудолюбии и социальной дисциплине, наконец, уважение к знаниям, грамотности, образованию, культуре.

Разумеется, эти полезные качества дополнялись и другими, в том числе отсутствием культуры сомнения, склонностью к нерассуждающему повиновению старшим, к неуклонному соблюдению заповедей догмы. Но эти качества нормальны, даже типичны для всего традиционного Востока, ибо являются в конечном счете функцией господствующей в нем генеральной командно-административно-распределительной структуры. Сложнее с теми, что были выпестованы противостоявшими конфуцианству даосско-буддийскими идеями, особенно в их довольно распространенной в Китае сектантской модификации. Именно этими, прежде всего эгалитарными идеалами обычно вдохновлялись восставшие в годину кризиса. Именно стремлением к переделу имущества руководствовались, особенно на начальном этапе народных восстаний, вожди восставших, громившие богатые дома частных собственников и ответственных (по их разумению и согласно все той же традиции) за кризис нерадивых и корыстных чиновников.

Китайско-конфуцианская цивилизация имеет ряд модификаций. При этом корейская или вьетнамская настолько близки к китайской, что нет смысла подробно рассуждать о мелких различиях, которые более заметны в случае с Кореей, где буддизм нередко официально ставился выше конфуцианства, обретая статус государственной религии. Что касается Японии, то там модификация дальневосточной цивилизации была более четко выраженной. Конфуцианство в этой стране никогда не было официальной государственной религией, ее место, как правило, зани-

мал буддизм. Одна из важных причин этого заключалась в том, что правящий императорский дом Японии по большей части не имел реальной власти, которая находилась в руках то регентов, то сегунов. Нередко в стране складывалась децентрализованная феодально-удельная система, но даже тогда, когда регенты и сегуны крепко держали в своих руках кормило власти, централизованная администрация Японии имела мало общего с китайской. Не было развитой чиновной бюрократии и соответственно не прижилась китайская система экзаменов. Зато на передний план выходила воинская служба (достаточно напомнить о самураях с их кодексом чести, во многом перекликающимся с нормами церемониала у чжоуских аристократов), чего никогда не было в Китае, по крайней мере в мирное время и в периоды существования сильной империи (а эти периоды в истории Китая абсолютно преобладали).

Но, несмотря на столь существенные различия в исторических судьбах, социальном и административно-политическом устройстве и даже в сфере религии (роль китайского даосизма в Японии выполнял в чем-то сходный с ним, но все же совсем другой по важнейшим параметрам синтоизм), конфуцианство наложило на Японию столь сильный отпечаток, что есть все основания считать Японию с точки зрения ее цивилизационной принадлежности модификацией именно китайской цивилизации и уж никак не индо-буддийской. Об этом еще будет идти речь в последующих разделах работы, когда на передний план выйдут проблемы вчерашнего (XIX век) и сегодняшнего дня.

В заключение краткого обзора китайско-конфуцианской цивилизации со всеми ее модификациями очень важно подчеркнуть, что она, будучи целиком противоположной индо-буддийской по ее генеральному духовному вектору (одна целиком обращена в мир потусторонний с его высшими ценностями, тогда как другая почти целиком занята тем, чтобы усовершенствовать мир земной), отличается почти такой же терпимостью. Правда, китайцы всегда с гораздо большим рвением, чем индуисты или буддисты, относились к идее распространения своих стандартов жизни в мире варваров (а к нему относили всех тех, кто знаком с китайской цивилизацией). Однако при этом никогда не

шла речь не только о войнах, но и вообще хоть о какой-либо форме принуждения. Напротив, варвары должны были сами приходить в Китай и обретать китайские нормативные стандарты, будучи привлечены именно ими, этими безупречно четкими и высокоморальными стандартами. И конфуцианцы всегда гордились как раз тем, что так оно и происходило. Это особенно наглядно проявляло себя тогда, когда империя оказывалась оккупированной северными кочевниками, которые действительно за исторически кратчайший срок обычно становились не столько даже китайцами (хотя и ими тоже), сколько конфуцианцами.

В Китае по меньшей мере с ханьских времен существовала поговорка, смысл которой сводился к тому, что можно завоевать империю, сидя на коне, но нельзя в этой позиции империей управлять. Для этого необходимо слезть с коня. Слезая же, завоеватели переставали быть варварами-кочевниками и рано или поздно становились – в лице их потомков – цивилизованными китайцами-конфуцианцами. Этот вопрос, касающийся контактов между кочевниками и миром земледельцев, достаточно сложен и многогранен. С точки зрения истории многое говорит о том, что китайское восприятие проблемы вполне справедливо, хотя так бывало не везде и не всегда, но только там, где не было условий для существования кочевников. Там, где такие возможности имелись, будь то Иран или Золотая Орда, – земледельцы и кочевники, как правило, длительное время сосуществовали, причем кочевники чаще всего задавали тон и находились у рычагов власти. В подавляющем же большинстве случаев кочевники (будь то арабы, монголы или тюрки), даже не слезая с коня в буквальном смысле слова, после завоевания обширных земледельческих империй варварами-кочевниками быть переставали и практически сливались с местным населением, подчас, правда, навязывая ему свой язык, как то было с арабами и турками.

Проблема взаимоотношений кочевников с земледельцами имеет самое непосредственное отношение к нашей теме, то есть к истории восточных религий и великих цивилизаций Востока. Ведь несшие миру ислам арабы тоже были кочевниками, которые принесли в культурном отношении гораздо более развитым земледельцам новую религию, а с ней и упоминавшуюся уже

Великую Идею. Не исключено, что это обстоятельство сыграло свою роль в той силе и пассионарной энергии, которой обладала именно эта религия и связанная с ней цивилизация. Во всяком случае, этот фактор существенно учесть, когда заходит речь о взаимоотношениях между великими религиями и цивилизациями Востока.

28. Историческое соперничество цивилизаций на Востоке

История богата примерами соперничества между цивилизациями Востока. Речь не о межгосударственных войнах, успешных завоеваниях одних стран другими или создании обширных империй. Такое бывало сплошь и рядом во все времена и, как правило, прямого отношения к проблемам религий и цивилизаций не имело. В нашем случае имеются в виду именно такие столкновения, результатом которых было обострение соперничества и иные перемены, вызванные столкновением представителей разных религиозных систем и великих восточных цивилизаций (либо контактов между ними и находившимися на их периферии иными странами и народами). Такого рода контактов и конфликтов история тоже знает достаточно много. Самый наглядный пример – судьба ближневосточного и соседних с ним регионов в период победоносного шествия ислама, завоеваний арабов и создания Халифата.

Как о том уже шла речь, ислам наиболее активен, воинствен и прозелитичен из всех трех великих цивилизаций Востока. Естественно, что его экспансия была практически неостановима, во всяком случае, пока ей не ставились решительные преграды. Наиболее наглядны в этом смысле взаимоотношения между миром ислама и другими восточными странами и народами, будь то высокоцивилизированные Индия и Юго-Восточная Азия, слабо развитая тюркская и иная периферия восточного мира в районах Поволжья, Приуралья и Центральной Азии или протоцивилизации (а то и явная первобытность) Черной Африки. Но, отмечая необычайную активность именно ислама, нельзя сбрасывать со счетов и мирную экспансию буддизма, о которой уже немало было сказано, и распространение китайского конфуцианства. Во

всех трех случаях (имеются в виду великие цивилизации Востока) распространение и взаимодействие шло по-разному, причем различия эти, как то само собой разумеется, были очень тесно связаны с характером самих цивилизаций и лежавших в их фундаменте религий.

В частности, на поучительном примере из истории исламизации ряда стран индо-буддийского региона хорошо видна разница между обеими этими цивилизациями и лежащими в их фундаменте мировыми религиями, как их подчас именуют. Активный прозелитический и воинственный ислам в принципе с легкостью одолевал пассивный индо-буддизм, беря над ним верх. Но результаты при этом оказывались достаточно разными. В Индии мусульманские завоеватели, захватив в начале XIII в. политическую власть и сумев обратить в ислам значительную часть элиты (князей и воинов), а также городского населения и ряда северных регионов субконтинента, так и не сумели заставить принять свою веру подавляющее большинство земледельцев, то есть традиционную индуистскую кастовую общину.

Пассивное сопротивление индийской общины оказалось для ислама непреодолимым, что привело в конечном счете, если пользоваться поэтическими сравнениями, к феномену социально-политического коктейля. Исламские верхи и индуистские низы существовали, но не смешивались, что крайне заботило многих из индийских правителей, в частности падишаха Акбара, безуспешно старавшегося как-то преодолеть эту неудобную ситуацию. Делавший подчеркнутый акцент на всеобщем равенстве правоверных ислам, как и безразличный к кастам буддизм, не был в состоянии преодолеть кастовую систему и тем более ужиться с ней.

Несколько иначе обстояло дело в тех странах Юго-Восточной Азии (Малайя и Индонезия), где, несмотря на некоторое влияние в начале нашей эры индуизма, никогда не было системы каст. Хинаянистский буддизм, практически преобладавший там к моменту начала исламизации, был столь же пассивным, что и индуизм, так что преодолеть его для ислама не составило особого труда. Более того, в Юго-Восточной Азии не было даже завоевания. Ислам был завезен в этот регион активно торговавшими там индийскими гуджаратскими купцами-мусульманами примерно в XIII–XIV вв. Не

встречая непреодолимого сопротивления со стороны кастовой структуры земледельческого общества, он достаточно быстро и вполне мирно, даже не прибегая к тем формам давления, которые осуществляли завоеватели-мусульмане на Ближнем Востоке (имеется в виду экономическая политика, харадж и джизия), за несколько веков обратил в свою веру практически все население.

Нечто подобное произошло и в Тропической Африке, где именно исламские купцы – как в районе восточного побережья, так и на западе суданского пояса — не только внедрили свою религию, но и сыграли едва ли не главную роль в процессе политогенеза. Во всяком случае, самые ранние африканские протоцивилизации и протогосударства (Гана, Мали, Сонгай, Могодишо, Момбаса, Занзибар и др.) возникли под сильным влиянием ислама. А торговавшие в Африке мусульманские купцы задолго до европейцев промышляли, помимо всего прочего, и «черным товаром», вывозя из Африки рабов.

Ислам с его мощной традицией развитой и сильной своей неразрывной связью с религией политической культуры оказался как нельзя более удачным катализатором для первобытной Африки. Но, несмотря на создание протогосударственных структур, облегчавших мусульманским купцам торговлю, активное строительство мечетей и даже – в Тимбукту – своего рода исламского университета, средневековая Африка оказалась более твердым орешком для приезжих торговцев, нежели гораздо более продвинутая в плане развития государственности и цивилизации островная часть Юго-Восточной Азии. Если в регионе Юго-Восточной Азии ислам обрел новые формы, гораздо более мягкие, нежели в зоне своего активного преобладания, и соответственно был много более терпимым к иноверцам, то тем более это было характерным в Африке, где переход в ислам, как и в Юго-Восточной Азии, не стимулировался ни политическим, ни экономическим принуждением, но был делом выбора тех, кто оказывался причастным к власти или к торговле, кто хотел преуспеть и разбогатеть.

Сложность ситуации и слабость ислама в Тропической Африке были тесно связаны еще и с тем, что первобытный африканский океан при малейшем ветерке с легкостью покрывал собой слабые островки протоцивилизации. Есть золото, ведется тор-

говля, получают вожди свои доходы – протогосударственное образование существует, порой даже процветает, причем именно в исламской форме, ибо от него, ислама, – свет цивилизации и стандарты государственности. Иссякают прииски – и все рушится, а следов протогосударства, протоцивилизации и даже ислама как не бывало. Зато в соседнем регионе, где усиливаются торговые контакты (их главными агентами обычно всегда были мусульманские купцы), все начинается сначала и идет по тому же эталону.

Что касается индуистско-буддийской экспансии, то она, как упоминалось, была двоякого рода. Для южного буддизма Хинаяны это было похоже на то, как ислам проникал в Тропическую Африку. Первобытная периферия Юго-Восточной Азии, включая, в общем-то, и Цейлон, была зоной постепенного проникновения туда мигрантов из Индии, несших с собой и индуизм в форме шиваизма и вишнуизма, и буддизм Тхеравады. Оседая на новых местах, мигранты, приносившие с собой свою религию и цивилизацию, давали импульс для возникновения государственности. Именно таким образом появились первые государства и в Индокитае (кроме Вьетнама), и в Индонезии, причем в этой своей индуистско-буддийской форме государства просуществовали в регионе около тысячелетия, пока не были замещены исламскими султанатами.

Для северного буддизма Махаяны форма проникновения в зону чужой культуры была совершенно иной. Махаянистский буддизм, как упоминалось, завоевывал и укреплял свои позиции в высокоразвитой в цивилизованном плане, но не имевшей собственной развитой религии китайской империи, а затем, китаизировавшись, проникал в новой форме в Корею и Японию. Китаизация буддизма придала ему принципиально новые черты и признаки, так что корейский и тем более японский буддизм практически несопоставимы с тем, который господствовал в Индокитае. Разница в том, что китайский и особенно японский буддизм в виде наиболее свойственных ему и преобладающих в этих странах школ-сект, особенно чань (японский дзэн), отнюдь не пассивны. Совсем напротив, буддизм и в Китае, и в гораздо большей степени в Японии (где не было сильного в административно-политическом плане конфуцианства) был активным и даже воинственным. Особенно это стало характерным именно в Японии.

Японские буддийские монахи принимали активное участие в феодальных междоусобных войнах. А секта дзэн взяла на себя организацию воспитания самураев, причем именно жесткость и дидактическая целеустремленность ее монахов-наставников способствовали формированию японского самурайства как влиятельнейшего социального слоя с его блистательными возможностями и способностями, стойкими убеждениями и этическими стандартами.

Практически лучше всего именно на примере Японии видно, как меняются носители той или иной высокой восточной цивилизации при соприкосновении с другой великой цивилизацией, если речь не идет о завоевании и принуждении. При столкновении с первобытностью эти перемены малозаметны (а в случае с исламом, как упоминалось, сводятся к некоторому вынужденному смягчению требований и нормативных стандартов), но при контакте с другой великой цивилизацией возникает жесткая альтернатива: либо ситуация коктейля (то есть полное взаимное отталкивание и просто сосуществование, как в исламизованной Индии), либо существенная внутренняя трансформация, вызываемая вынужденными обстоятельствами, сильным встречным влиянием и соответствующим взаимодействием.

Здесь важно оговориться. Буддизм проник в Японию, когда она сама была еще полупервобытной. Но в Японию проник не просто буддизм, а буддизм китаизированный. Иными словами, трансформировался японский буддизм вне Японии и до своего проникновения туда. Поэтому сказанное в связи с японским буддизмом имеет отношение именно к проблеме контактов между великими цивилизациями, в данном случае индо-буддийской и китайско-конфуцианской.

Экспансия китайского конфуцианства была не обязательно мирной. Мирно конфуцианство проникало – вместе с всесторонним влиянием китайской культуры – в Корею и Японию. Что касается Вьетнама, то там этот процесс сочетался с военными экспедициями китайских императоров древности, Цинь Ши-хуанди и ханьского У-ди, каждая из которых сыграла свою немаловажную роль, инициировав или подкрепив процесс сильного китайского влияния. Существенно добавить к сказанному, что это влияние по-

стоянно ощущалось и на северных границах Китая, в зоне обитания кочевников. Но здесь оно обычно принимало совершенно иной характер. На протяжении долгих тысячелетий те или иные из кочевых племенных протогосударств, будь то сюнну (гунны), сяньби (тоба), кидани, тангуты, чжурчжэни, монголы или маньчжуры, питались соками китайской культуры и государственности, причем активность в процессе влияний и заимствований исходила обычно с севера, от самих кочевников, чей интерес к Китаю, как правило, завершался завоевательными войнами укрепившихся за счет китайского влияния кочевых государственных образований.

Заслуживает нескольких слов вопрос о контактах китайской цивилизации с миром ислама. Эти контакты были слабыми и в основном торговыми. Мусульманские торговцы активно действовали на юге Китая, так что порой в китайских торговых центрах скапливались десятки тысяч их. Кроме того, в период династии Юань (1280–1368) многие мусульмане, включая воинов, были приведены в Китай монголами. Можно добавить к этому, что на периферии империи, как на юге (пров. Юньнань), так и на севере (Синьцзян), в позднем средневековье проживали компактные национальные меньшинства мусульман. Но существенно обратить внимание на то, что мусульмане, даже оставаясь таковыми по основам вероисповедания, в образе жизни сильно изменялись и воспринимали китайский стандарт бытия. Они не только не распространяли сферу своего влияния, как то бывало в зонах индобробуддийской цивилизации (об Африке уж и говорить не стоит), но, напротив, как бы сжимались под невидимым, но весьма ощутимым повседневным давлением со стороны бессмертной китайской традиции. Ислам мог поддерживать свое незаметное для постороннего глаза существование в Поднебесной, но на большее там рассчитывать не мог. Китайская конфуцианская цивилизация была во многом сильнее ислама с его мощным напором, но значительно более слабым интеллектуальным и тем более институциональным потенциалом.

Итак, обратив внимание на характер взаимодействия и формы соперничества между всеми тремя великими цивилизациями Востока, равно как и специфические особенности их контактов с от-

стало полупервобытной периферией, мы вправе заключить, что эти цивилизации весьма отличны друг от друга по многим параметрам. Собственно, в краткой форме об этих принципиальных различиях уже шла речь в конце предыдущего раздела работы, где уже затрагивалась проблема развитых религий и великих цивилизаций Востока. Но из приведенного в данном разделе материала эти различия видны гораздо более отчетливо. Вопрос теперь лишь в том, чтобы оценить, насколько они значимы и, главное, сколь важную роль сыграли в последующих судьбах Востока. Однако для этого следует вначале обратиться к новой теме.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ЕВРОПЕЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ТОРГОВЫЙ КОЛОНИАЛИЗМ

Коль скоро постренессансная Европа, как о том уже шла речь, на определенном рубеже (после XV в.) решительно обогнала Восток и задала новый ритм развития всемирной истории, став ее все увеличивающим обороты мотором, то резонно заключить, что все религиозно-цивилизационные проблемы и особенности восточных цивилизаций и их периферии, включая первобытную, по меньшей мере на какое-то время отошли на задний план. Они продолжали существовать и играть свою важную роль, но с точки зрения динамично развивающейся Западной Европы эта роль была несущественной. Больше того, по сравнению с темпами эволюции, которые набирал европейский путь развития, чьим фундаментом все очевиднее становилась заново возрожденная и усовершенствованная античная рыночно-частнособственническая структура, Восток все очевидней казался замедленно движущимся, а позже даже просто спящим. И этот термин отнюдь не воспринимался как метафора. Напротив, он считается достаточно точным для определения колоссальной принципиальной разницы между энергично эволюционирующим западным миром и стагнирующими странами Востока.

В то время как Восток спал, прекапиталистическая Европа, поразившая мир эпохами Ренессанса и Реформации и расширив-

шая его рамки великими открытиями мореплавателей, быстрыми темпами превращалась в раннекапиталистическую. Эволюция шла постепенно и как бы незаметно, но зато все нарастающими темпами. Вообще-то говоря, это хорошо известный факт, но, несмотря на это, о нем самом и, главное, о влиянии его на весь остальной мир надлежит сказать особо.

29. Генезис капитализма в Европе и ранний колониализм

Современная наука тщательно изучила эту проблематику, особенно все то, что связано с генезисом капитализма. Достаточно напомнить о классических монографических исследованиях историков школы Анналов, в первую очередь Ф. Броделя, равно как и об их многочисленных предшественниках. Споры между авторами, изучавшими процессы генезиса европейского капитализма, серьезны и достаточно принципиальны. Не говоря уже о Марксе и марксистах, они идут и между теми специалистами, кто не склонен строить свои теории на идеологических догмах. Не вдаваясь в детали этих споров и не пытаясь примирить спорящие стороны (одни видят почти созревший капитализм уже в городах средневековой Европы, другие, как М. Вебер, считают капиталистическую активность детищем протестантской этики), стоит, однако, прислушаться к тем, кто обращает внимание на сложности самого процесса.

Л. Февр, в частности, ссылаясь на А. Пиренна, напоминает, что позднесредневековые законы (XIII–XV вв.), поддерживавшиеся и боровшейся с «ростовщиками» церковью (католическая церковь, как и ислам, осуждала взимание процента за кредит в принципе), ужесточили режим городской жизни и затруднили свободное обращение возникавшего до того у некоторых торговцев капитала. Это препятствовало процессу его генезиса. И только в создавшихся в результате Великих географических открытий принципиально новых условиях, изменивших направление торговых потоков и приведших к упадку старых городов с их регламентами и возникновению новых торговых центров, свободных от

этого, капитализм в Европе получает полный простор для своего развития. И вот здесь-то и встретила его в свои объятия новая, реформированная М. Лютером и другими протестантами церковь.

Таким образом, европейский капитализм, капитализм в полном смысле этого слова, несмотря на то, что гены его родственны античному рыночно-частнособственническому предпринимательству, действительно был в определенной степени детищем прежде всего Реформации. Однако это не означает, что именно Реформация породила капиталистов и капитализм. Скорей наоборот, идеи М. Лютера получили признание и быстрое распространение как раз потому, что предкапиталистическая Европа ждала их и восприняла как свои. Если угодно, это была вторая Великая Идея антично-христианской западной цивилизации.

Стоит уточнить ситуацию. Ни Лютер, ни другие апостолы Реформации не были идейными предтечами капитализма, как ни агитировали в пользу капитализма гении и титаны европейского Возрождения, подготовившие для него хорошо возделанный плацдарм. Чаще отцы Реформации и прежде всего сам Лютер предавали капитал и его представителей анафеме. Но новая религия открыла перед новыми людьми нового Бога, резко упростила общение с Ним, дав каждому право и возможность общаться с Богом лицом к лицу, быть самому себе священником. Ликвидировав институт монашества и обратившись лицом к мирским делам, возвысив устами Кальвина трудолюбие и выполнение каждым его профессионального долга, Реформация создала пуританскую этику – ту самую, что имел в виду Вебер.

Государи позднесредневековой Европы вынуждены были принять новые правила игры, особенно в сфере финансов, где господствовал капитал. Государи субсидировали выгодные или обещавшие выгоду грандиозные проекты вроде экспедиции Колумба, причем это были вклады не столько казны государства, сколько главы государства, хотя одно от другого отличалось с трудом. Но государи же и брали кредиты у купцов, причем хорошо разработанная система кредитования власти (сложные проценты и т. п.) сыграла важную роль в становлении принципов капиталистического финансирования. Перед торговым и финансовым капиталом в этих условиях открывались неплохие возможности. И он

ими активно пользовался, причем в качестве его помощников выступили на передний план тесно связанные с расцветом ренессансной культуры книгопечатание и развитие новоевропейской науки.

Успехи книгопечатания на протяжении второй половины XV и в XVI веке позволили ознакомить европейского читателя с мудростью древних, которая стала теперь доступна многим и стимулировала работу мысли, в том числе и научной. Сказали свое веское слово Коперник и Галилей, Бэкон и Декарт. Были напечатаны гениальные произведения новоевропейской литературы, будь то Боккаччо, Рабле или, как венец всего, Шекспир. Все это вкупе способствовало не только и не столько расцвету капитализма как новой, высшей формы античной рыночночастнособственнической структуры, сколько тому, что Европа стала решительно обновляться. Постренессансная и тем более постреформационная Европа становилась другой, хотя замечено это было современниками далеко не сразу.

Главное, что изменило ее, это новая религия и новая культура, включая философию и науку, которые объективно соответствовали новой структуре и предоставили простор для энергичного ее броска вперед. XVI век стал веком уже сложившейся новой протокапиталистической Европы, и лучше всего этот знаменательный факт виден на примере не политических достижений великих империй Франциска I Валуа во Франции или Филиппа II Габсбурга в Испании (эти успехи к капиталистическому развитию Европы имели сравнительно мало отношения), но колониальной политики европейцев.

Ранний (торговый) европейский колониализм берет начало на рубеже XV–XVI вв. и теснейшим образом связан не столько даже с протокапиталистическим взлетом Европы, сколько с Великими географическими открытиями. Разумеется, эти открытия сами по себе тоже не упали с неба. Они были детищем все того же неуемного стремления воспитанных в соответствующем духе европейских торговцев и предпринимателей к наживе. Именно эта исторически и генетически восходящая к антично-средиземноморской, быть может, даже к доантично-финикийской морской торговле и колониальной экспансии тяга способствовала достижению опре-

деленных успехов как в сфере мореплавания (применение приборов, позволяющих уходить далеко в открытое море, создание более совершенных кораблей и т. п.), так и в установлении контактов с аборигенами отдаленных от Европы континентов.

История колониализма как важного исторического феномена восходит ко все той же финикийской предантичной и греческой античной древности, но свой всемирный характер и судьбоносное значение для всего неевропейского мира, для Востока, она обрела именно в XVI и последующих столетиях. Но прежде чем обратиться к интересующему нас времени, целесообразно сказать хоть несколько слов о проблеме в целом.

Колониализм как термин и соответствующие ему понятие и явление воспринимаются обычно негативно, особенно на Востоке. Причина этого в общем ясна: когда появляются чужаки и насильственно взламывают привычную структуру, пытаются изменить образ жизни поколений со всеми его традициями и мировоззренческими стандартами, с его веками сложившимся ритмом бытия и менталитетом, они не могут рассчитывать на благосклонность и взаимопонимание, тогда как враждебное отношение или по меньшей мере недоверие к их намерениям и им самим представляется оправданной нормой. Так оно обычно всегда и было, более того, сохраняется в качестве стереотипа привычного восприятия и в наши дни, причем антибуржуазный пафос марксистских теорий создает идейную основу для искусно раздуваемой ненависти к колонизаторам. Однако одно дело привычный и логически оправданный стереотип и совсем другое – реальная оценка явления с учетом всего многообразия сложившихся отношений и перспектив эволюции человека и его общества. Здесь тоже все далеко не однозначно, но нет сомнений в том, что проблема намного глубже и серьезней, нежели это может показаться на первый взгляд, особенно затуманенный идеологизированной пеленой.

Начнем с того, что колониализм как феномен отнюдь не одинаков всегда и везде. Можно насчитать по меньшей мере четыре его варианта. Первый и самый древний – колонизация пустыющих или слабозаселенных земель компактными общностями поселенцев-колонистов, особенно несущих с собой более высокую

культуру, урбанистическую цивилизацию. Так поступали еще в верхнем палеолите те, кто заселил Америку. Это было нормой для неолитических переселенцев, постепенно осваивавших ойкумену. Позже образцы колонизации демонстрировали финикийцы в Средиземноморье, затем античные греки с их колониями. Видимо, нечто в этом роде можно сказать об ариях в долине Ганга или арабах в Тропической Африке и уж, во всяком случае, о европейцах в Северной Америке, Австралии или Новой Зеландии (с некоторыми оговорками — и в Южной Африке).

Для этого типа колонизации, обычно мирной, но далеко не всегда (достаточно напомнить об американских индейцах), характерно возникновение поселений или государственных образований по типу, близкому к тому, что было привычным для мигрантов. Аборигены при этом либо оттеснялись или даже истреблялись, либо оказывались партнерами по торговле, либо инкорпорировались в новые структуры, обычно в качестве низшего социального слоя.

Второй тип (вариант) колонизации — миграция в районы, достаточно населенные и освоенные, к тому же имеющие собственные традиции, порой даже урбанистическую цивилизацию в ее слаборазвитой форме. Здесь многое всегда зависело от обстоятельств, в частности от силы местной традиции и метода действий колонизаторов. Примеров этого типа не слишком много. Наиболее показательный — освоение испанцами и португальцами Южной Америки с ее достаточно развитой культурой и впечатляющей, хотя и структурно весьма слабой цивилизацией, опиравшейся на рыхлый фундамент весьма примитивных раннерелигиозных представлений. Этот вариант неизбежно сталкивает колонизаторов с проблемой ассимиляции, а смесь культурных традиций при этом рождает новую субцивилизацию (имеется в виду цивилизация смешанного типа, составленная из различных компонентов). Впрочем, в случае с Латинской Америкой, о которой в данном случае идет речь и население которой к тому же сильно изменилось за счет притока африканских рабов, эта цивилизация достаточно быстро обрела форму, близкую к европейской христианской в ее католическом варианте. Однако она по многим параметрам все же далека от европейской в ее католической модификации,

скорей перед нами субцивилизация, имеющая тенденцию к превращению в особую модификацию Великой западной христианской цивилизации.

Вариант третий — колонизация территорий с неблагоприятными для колонизаторов условиями обитания. Это в основном тропики и субтропики, затерянные в океане архипелаги и т. п. В этом случае речь идет не столько об освоении территорий (хотя случается и такое), сколько о создании условий (строительство форпостов и портов, разбивка плантаций и т. п.), которые обеспечивали бы максимально удобные возможности для эксплуатации природных ресурсов. Так действовали колонизаторы, особенно на первых порах, в Африке, Индонезии и Малайе, в Океании.

И, наконец, вариант четвертый и наиболее типичный для цивилизованных стран Востока. Это тот случай, когда колонизаторы проникали в страны с развитой цивилизацией и многовековой культурой, порой намного более древней, чем их собственная. В этом случае нельзя было ни создать анклав-колонию по стандартам метрополии (как в первом варианте), ни способствовать возникновению гибридной субцивилизации (как во втором), ни управлять аборигенами из форпостов (как в третьем). Оставался один путь — активно развивать взаимовыгодную торговлю и лишь при удачном стечении обстоятельств (как то было с Индией) пытаться захватывать территории и укрепляться на них в качестве правящего меньшинства.

Наиболее ясна ситуация с вариантом первым. Великие географические открытия позволили европейцам — из числа наиболее энергичных и активных, в первую очередь протестантов-пуритан, а также торговцев и предпринимателей, искателей наживы и авантюристов всех мастей, преследуемых и неустроенных маргиналов (в частности сектантов) и даже преступников (в Австралии) — освоить пустующие земли и создать там своего рода филиалы европейских обществ. За этот счет Запад (прежде это были в основном, если даже не исключительно, страны Западной Европы) расширился во много раз, стал не столько географическим, сколько историко-культурным и социо-экономическим понятием (каким, о чем уже упоминалось, всегда был противостоящий Европе в качестве всего неевропейского мира Восток). И это было

первым и, видимо, наиболее важным следствием наступления новой эпохи в истории. Эпохи, открытой не столько в результате успехов мореплавания как таковых (хотя умялять их значимость нет никаких оснований), сколько вследствие раскрепощения духа и расцвета протокапиталистических, а затем и вполне развитых капиталистических отношений в Европе и на всем освоенном европейцами Новом Западе.

Третий вариант, к тому же являющийся в известной степени подвариантом четвертого, мы оставим в стороне. Внимание наше будет сосредоточено на втором и четвертом, ибо именно эти типы колониализма сыграли решающую роль в истории взаимоотношений Запада и Востока, в истории колониализма в собственном смысле этого слова (в том, как воспринимается это понятие в мире сегодня). Пока мы будем иметь дело с реалиями XVI–XVII, может быть, отчасти и начала XIX вв., то есть с тем, что обычно именуется ранним или торговым колониализмом.

30. Доколумбова Америка и латиноамериканская субцивилизация

Современная наука исходит из того, что переселенцы из Сибири пересекли Берингов перешеек примерно 15 тысячелетий назад. Если это действительно было именно так, то следует говорить об охотниках и собирателях мезолита, возможно, уже готовых к трансформации в земледельцев и скотоводов. Перемещение их на американский континент происходило, скорее всего, несколькими волнами, а в расовом отношении переселенцы были близки к монголоидам, кочевавшим вдоль северного степного пояса. Лишь небольшая часть переселенцев осела на крайнем севере нового континента, поддерживая достаточно тесные связи с сородичами Чукотки и Камчатки, тогда как основная их масса отправилась на юг, где мигранты быстро расселились по всей Америке, разделившись на множество различных этнических общностей и языковых групп.

Богатые природные ресурсы континента (из растений – маис, бобы, фасоль, корне- и клубнеплоды, какао и многое другое; из животных, пригодных для domestikации, – лама; обилие рыбы и

т. п.) создали условия для своей особой неолитической революции, плоды которой вкусили практически все индейцы Америки, за исключением разве что населения циркумполярных регионов и экваториальных зон, в частности гигантского бассейна Амазонки. Но если для индейцев Северной Америки достижения неолита не привели к прорыву на ступень урбанистической цивилизации (большинство их застыло на уровне ранних протогосударственных образований племенного типа, в чем-то сходных с теми, которые были характерны для кочевников степного пояса Сибири и Монголии, но без скота, и потому с совершенно иным образом жизни), то в районах Мезоамерики и на территории Западного побережья Южной Америки ситуация оказалась иной. Именно в этих регионах уже со II–I тыс. до н. э. стали появляться урбанистические цивилизации различных форм и типов, в строгой зависимости от среды обитания.

В Мезоамерике (Мексика, район Юкатана) примерно с рубежа н. э. возникли и на протяжении полутора тысячелетий то существовали по нескольку веков, то гибли, то вновь возрождались из пепла небольшие протогосударственные образования типа городов-государств. К моменту появления там колонизаторов эти урбанистические образования были заселены преимущественно ацтеками и майя, причем уровень цивилизации у них был достаточно высок, если иметь в виду, в частности, сравнительно развитую иероглифическую письменность. В горном районе южноамериканских Анд, где корни урбанистической культуры восходят к более древним временам (хотя и существование протогосударственных образований на протяжении тысячелетий было столь же непрочным, что и в Мезоамерике), в XV в., буквально за несколько десятилетий до нашествия уничтоживших его колонизаторов, сложилось первое и, видимо, единственное в истории доколумбовой Америки крупное государственное образование инков. Империя инков, как ее подчас именуют, не была империей в буквальном смысле слова – скорее это было нечто вроде древнеегипетского государства времен пирамид, которое отличалось большими размерами и высокой степенью централизации административно-политической власти, но не было знакомо ни с частной собственностью хотя бы в ее зачаточном виде, ни с рынком и товарно-

денежными отношениями (то и другое, пусть в весьма неразвитой форме, было известно в городах-государствах Мезоамерики, которую в этом смысле можно было бы сопоставить с Шумером).

Религиозные представления инков, майя и ацтеков были на уровне политеистических систем, подчас с тенденцией к выделению главного божества (у инков – Солнца). В честь божеств и с сакральными целями возвеличения носителей высшей власти здесь строились гигантские пирамидальные культовые сооружения, приносились человеческие жертвы. Правителей хоронили в пышных гробницах-склепах, подчас под пирамидами, с огромным количеством сопогребального инвентаря и принесенных в жертву умершему людей, иногда исчислявшихся сотнями. Быть сопогребенным или принесенным в жертву выпадало отнюдь не на долю рабов, которых в обществах индейцев Америки было порой немало. Напротив, многие из удаивавшихся этого считались едва ли не избранниками и счастливыми. В частности, это относится к обряду Великого жертвоприношения, совершавшегося раз в четыре года в государстве инков, где детей в возрасте около 10 лет (без физических недостатков и хорошо сложенных) специально отбирали в знатных семьях для того, чтобы принести их в жертву, например замуровать в шахте, заморозить на горной вершине. Жертвы такого рода, явно адресованные Солнцу, были призваны умиротворить божество. Родственники принесенного в жертву ребенка гордились этим, и их статус в обществе резко повышался.

Насколько можно судить по сохранившимся преданиям, памятникам искусства и ритуальной культуры, у индейцев Америки была развитая мифология. Существовали различные божества, подчас в форме тотемов (у некоторых правителей майя это были, в частности, ягуары), космологические конструкции, включая идею о множественности небес и подземных миров. Господствовали представления о четырехчастной структуре мира (деление пространства по сторонам света было обычным, в том числе и в архитектуре городов).

Специалисты по изучению доколумбовой Америки за последние несколько десятилетий достигли огромных результатов. Сегодня континент изучен очень хорошо как археологами, лингвистами и этнологами, так и специалистами по многим иным отраслям

современной антропологии. Несмотря на множество споров, гипотез и разногласий, существует и некий единый общий итог, своего рода консенсус между всеми этими отрядами специалистов. Суть его в самом кратком виде сводится к тому, что доколумбова Америка со всеми ее государственными образованиями, религиозными системами и достижениями цивилизации, включая письменность (в «империи» инков письмо было узелковым – кипу), в общем и целом сопоставима лишь с древневосточными цивилизациями, прежде всего с упомянутыми уже Древним Египтом и Шумером. Это тот уровень развития, которого она – во всех ее вариантах – достигла к моменту контакта с европейцами.

Существует несколько попыток объяснить, почему развитие субцивилизаций доколумбовой Америки было столь замедленным и неустойчивым. Так, например, Р. Адамс (*Energy and Structure*, 1975) выдвинул в качестве основной причины этого зависимость между человеком (обществом, государством, цивилизацией) и источниками энергии, необходимыми для его существования и динамичного прогресса. На этом фундаменте Адамс строит свою теорию социо- и политогенеза, смысл которой в тенденции эволюции человеческих коллективов от случайно возникших (агрегатных) к связанным между собой осознанными и согласованными идеями, целями и ценностями (группа, община, этническая общность и т. д., вплоть до государственных структур различной степени развитости и прочности). Насколько можно понять, степень и прочность интеграции в рамках такого рода структур напрямую зависит от ресурсов. А ресурсы в доколумбовой Америке были весьма ограниченными, и именно поэтому государство сколько-нибудь значительных размеров («империя» инков) возникло лишь там, где их было достаточно (обильное рыбой морское побережье и плодородные горные долины, особенно район озера Титикака). Во всяком случае, примерно так трактует теорию Адамса применительно к истории инков Ю. Березкин.

Независимо от того, как отнести к такого рода объяснению причин замедленных темпов эволюции и непрочности протогосударственных и тем более развитых государственных структур доколумбовой Америки, факт остается фактом: эти структуры были слабыми, а соответствующие им и бывшие их идеологическим

фундаментом религиозные системы и субцивилизации – весьма примитивными. Можно с уверенностью констатировать, что уровня «осевого времени» по Ясперсу (VIII–III вв. до н. э.) религиозная мысль на американском континенте до прихода туда европейцев не достигла. Практически это означает, что, прибыв в Америку в начале XVI в., после открытия ее Колумбом, испанские конкистадоры попали как бы в другую эпоху, не говоря уже о принципиальной разнице между рыночно-частнособственнической ориентацией стремившихся к наживе европейских авантюристов и восточной по генеральной ее тенденции административно-командно-распределительной структурой государственных образований индейцев.

Нет смысла в подробностях рассказывать о том, с какой легкостью, не гнушаясь обманом и коварными приемами, небольшое количество конкистадоров во главе с Писарро и Кортесом разгромили инкское государство и завладели огромным количеством накопленного инкскими правителями золота. Это общеизвестно и было лишь началом в длительном процессе разрушения европейцами местных цивилизаций и государств и создания вместо них новых, религиозно-идеологическим фундаментом которых стал католицизм, насаждавшийся усилиями в обилии ехавших в Америку миссионеров. Но результат говорит сам за себя: за исторически небольшой срок, исчисляемый веком-полтора, от прежней доколумбовой Америки остались, что называется, рожки да ножки.

На смену ей пришли новые государственные образования, в которых социально привилегированным слоем стали политически и в военном отношении господствовавшие мигранты-европейцы, постепенно, впрочем, в большинстве случаев смешивавшиеся с местным населением (лишь в Аргентине сохранилась численно господствующая устойчивая прослойка населения европейского расового типа). Приток африканских негров-рабов, особенно ошутимый в португальской Бразилии, хотя и не только в ней, тоже сделал свое дело, создав в большинстве латиноамериканских стран совершенно новую и в расовом, и этническом плане популяцию.

Эта популяция, различная в разных странах латиноамери-

канского континента, имела некие важные новые отличительные признаки и характеристики. Главным было то, что вся Мезоамерика и Южная Америка стали колониями второго типа (в отличие от Северной, где колонизация шла по первому варианту), суть которых, как упоминалось, сводилась к процессу ассимиляции мигрантов с аборигенами. Однако в ходе этого естественного процесса победителем неизбежно выходила более сильная сторона, колонизаторы. Они принесли с собой язык и тесно связанную с ним речевую и письменную культуру, восходящие к древности богатые традиции и основанную на христианстве великую цивилизацию. Впрочем, это никак не означает, что все эти интеллектуальные богатства на новом месте остались неизменными. Как раз наоборот, процесс ассимиляции прибавил к европейским ценностям многие из традиционных местных либо видоизменил эти христианские ценности, во всяком случае, на нижнем уровне народных масс.

В результате сложилась специфическая латиноамериканская субцивилизация, основным структурообразующим признаком которой стало сильное взаимовлияние различных культурных компонентов, то есть некое смешение великой христианской цивилизации с недоуничтоженными первыми конкистадорами и следовавшими за ними мигрантами, в том числе и миссионерами, древними урбанистическими цивилизациями аборигенов. И хотя элементов древних индейских традиций было не так уж и много, причем значительная часть этой традиции сохранилась в ее примитивной, чаще всего доцивилизационной форме, в сумме все они оказались весьма значимой силой, способной заметно видоизменить тот же католицизм.

Христианство в его католической форме уже несколько веков абсолютно господствует в Латинской Америке (откуда и ее название). Более того, оно неплохо вписалось в образ жизни метисного населения с его традициями и привычками, во многом возродившими традиции средневекового католицизма (достаточно напомнить о пышных и бурных многодневных бразильских карнавалах). Но при всем том латиноамериканская христианская цивилизация на протяжении веков настолько сильно отличалась, особенно на массовом уровне, от европейской, что ее целесообразно

именовать субцивилизацией, то есть цивилизацией смешанного характера. Впрочем, двадцатый век создал в Латинской Америке новую ситуацию, так что в недалеком будущем мы будем, возможно, вправе считать цивилизацию этого субконтинента вариантом, модификацией европейской христианской.

Однако это имеет отношение только к нынешнему веку, прежде всего к постколониационному времени. Что же касается несколько предшествовавших этому столетий, то применительно к ним избранный термин – субцивилизация – наиболее приемлем. Для латиноамериканской субцивилизации, кроме прочего (особенно на первых порах), была характерна тесная связь колоний с метрополиями, Испанией и Португалией. И связь эта осуществлялась прежде всего в форме выкачивания из Америки ее богатств, главным образом золота и серебра.

Касаясь этого весьма важного момента в истории человечества, стоит акцентировать внимание не столько на бесчеловечных способах и формах ограбления богатых золотом и серебром государств доколумбовой Америки, о чем много писалось и что следует считать общеизвестным, сколько на историко-экономическом значении этого важного факта как такового. Дело в том, что европейская торговля XV–XVI вв. с Востоком, в том числе закупка пряностей и раритетов, была делом весьма дорогостоящим, чтобы не сказать убыточным. Позиция Османской империи, которая именно в это время, при Сулеймане Великолепном (1520–1566), достигла своего наивысшего расцвета, позволила ей монополизировать эту торговлю и держать цены на высоком уровне. Вынужденные платить за восточные товары дорогой ценой, европейцы именно в это время сильно истощили свои запасы драгоценных металлов. Поэтому открытие Америки и начало вывоза оттуда золота и серебра буквально спасли протокапиталистическую Европу от банкротства. Более того, обилие драгоценного металла уже во второй половине XVI в. привело в Европе к так называемой «революции цен», которая, хотя она и ударила прежде всего по Португалии и Испании, оказалась в конечном счете на руку европейцам, ибо привела к финансовому кризису и резкому политическому ослаблению Османской империи, окончательно переставшей быть серьезной угрозой для Европы.

В конечном счете меньше всего выгадали от всего этого как раз те (испанцы и португальцы), кто завладел американскими драгоценными металлами и на протяжении длительного времени (этому способствовала, в частности, непрекращавшаяся добыча металла на серебряных рудниках Мексики) транспортировал их в Европу. Толком распорядиться своими богатствами сравнительно отстающие (речь об уровне и темпах развития капитализма) жители Пиренейского полуострова не сумели. На американских деньгах сделали свое состояние другие, прежде всего голландцы и англичане, которые уже с XVII в. вышли на передний план в колониальном освоении неевропейского мира. Как именно это произошло?

31. Начало колониального освоения Востока

История судила таким образом, что именно португальцы и испанцы начали колониальные захваты, обусловленные усовершенствованием практики мореплавания и связанными с этим Великими географическими открытиями. Но если в освоении Америки лидировали испанцы, вначале бывшие бесспорными фаворитами в грабеже Мезоамерики и Южной Америки, а затем создавшие на той же территории (кроме Бразилии, доставшейся португальцам) свои колонии, то на Востоке роль первооткрывателей досталась португальцам. Начали они с освоения африканского побережья, на котором было создано множество торговых факторий, а уже в 1498 г., лишь через несколько лет после открытия Америки Колумбом, Васко да Гама обогнул африканский континент и открыл долгожданный морской путь из Европы в Индию.

Вслед за тем начался процесс энергичного освоения португальскими мореплавателями, купцами и сопровождавшими их католическими миссионерами других территорий Востока, будь то Цейлон, Малайя, Индонезия или Япония. Организационно-административным центром их в зоне Индийского побережья стал остров Гоа, в дальневосточном регионе – Макао. Достигнув в своем стремлении контролировать все возможные морские пути на Восток Ирана (Ормузд), Бирмы и Сиам, укрепившись в райо-

не Сенегамбии, Гвинейского залива и устья Конго в Африке, португальцы, чья морская экспансия опиралась на активную поддержку казны и королей, извлекавших из этого немалые для себя выгоды, в XVI в. практически господствовал на морях. Их усилиями была создана великая колониальная империя, по своему значению едва ли не превосходившая ту, что была создана испанцами в Америке.

Но просуществовала эта империя недолго. После включения Португалии в состав Испании при Филиппе II (1581) колониальная империя португальцев стала рушиться, а на смену ей пришли голландцы. Стоит добавить к сказанному, что и без этого важного политического акта (то есть и без Филиппа II) португальская колониальная торговля была обречена. Дело в том, что ведущей силой колониальной империи португальцев были аристократы и католическое духовенство, большую роль играли авантюристы и любители приключений, тогда как сколько-нибудь значимой и сильной протобуржуазии в Португалии того времени-явно не хватало. При всем том, что монопольно ведавшая всей торговлей с Востоком Португальская торговая палата получала (особенно на первых порах, когда португальцы сосредоточили в своих руках едва ли не всю мировую торговлю пряностями) баснословные прибыли, их было недостаточно для укрепления империи. Что же касается голландцев, которые тоже в конце XVI в. при Филиппе II, оказались подданными испанской короны, то их возможности оказались иными.

Совпавшая с антииспанской освободительной борьбой и ростом влияния протестантизма (кальвинизма) нидерландская революция 70–80-х гг. XVI в. не только освободила страну от испанцев, но и активно способствовала выходу на передний план сыгравшей основную роль в революции голландской буржуазии. Энергично развивавшиеся по капиталистической модели голландцы в конце XVI в. начали широкомасштабную колониальную экспансию, вытесняя португальцев из их укрепленных форпостов практически во всех освоенных до того колонизаторами странах. Сначала голландцами были захвачены форпосты в Малайе и Индонезии (на Яве), затем, после создания в 1602 г. нидерландской Ост-Индской компании, португальцы были практически полно-

стью вытеснены из всей Юго-Восточной Азии, а также ряда районов Африки (прежде всего, Южной Африки). Голландцы заменили португальцев в странах Индокитая и на Цейлоне, они захватили остров Тайвань и создали свои фактории в Японии. Стоит напомнить и о проникновении их, пусть ненадолго, в Северную Америку, где голландцами, в частности, был в 1626 г. основан Новый Амстердам (современный Нью-Йорк), а также в отдельные районы Латинской Америки.

Нидерландская колониальная империя в XVII в. стала всемирной. Крупнейшим международным портом был Амстердам. Наиболее сильным морским флотом владели голландские купцы и предприниматели, объединенные в Ост-Индскую и Вест-Индскую (основанную в 1621 г. и ставившую своей целью укрепление позиций Голландии на территории Нового Света) компании. Правда, во второй половине XVII в. освободившаяся от испанского владычества Португалия сумела вытеснить голландцев из своих американских владений, то есть из Бразилии, а также из Африки (кроме Южной), а вслед за тем англичане (частично и французы) изгнали голландцев из Северной Америки. Но, несмотря на эти неудачи, Нидерланды в XVII в. продолжали быть сильнейшей колониальной державой мира. Ситуация стала решительно изменяться лишь в XVIII веке, когда на авансцену мировой политики выступила в качестве сильнейшей державы мира Великобритания.

Английская буржуазная революция XVII в. создала предпосылки для ускоренного развития капитализма в этой стране. И хотя Британская Ост-Индская компания была создана задолго до этого, чуть раньше даже Нидерландской (1600), активную колониальную политику англичане стали осуществлять лишь с середины этого века, когда в зависимость от них попала Португалия с остатками ее колониальной империи и была выиграна война за испанское наследство, в результате чего англичане, в частности, получили право чуть ли не на монопольную торговлю африканскими рабами, отправлявшимися преимущественно в испанские (и португальские) колонии Южной Америки, хотя в немалом количестве оказывавшиеся и в Северной Америке, по крайней мере в южной ее части, очень удобной для выращивания

хлопка и иных трудоемких культур под палящим солнцем.

XVIII век был уже веком едва ли не полного господства Британии в мировой колониальной торговле. В начале этого века некоторую конкуренцию Англии (например в Канаде и Индии) составляли французы. Но в конце века Великая революция привела к крушению французской колониальной империи, а Наполеон за короткие годы своего правления не сумел ее возродить. И хотя позже, во второй половине XIX в., колониальная империя французов частично была восстановлена (территориальные приобретения в Африке и Индокитае), Британия сумела за эти десятилетия стать Великой, а в ее владениях, как горделиво упоминали англичане, никогда не заходило солнце. Иными словами, колониальная империя Великобритании к XIX в. стала наибольшей в мире и действительно была представлена на всех материках.

В итоге главным колонизатором, в некотором смысле символом колониализма на Востоке (по меньшей мере на Ближнем и Среднем, в Индии и Индокитае, затем также и в Африке), в том числе и в странах, формально сохранивших свою государственность, стали англичане. Именно они позже – устами знаменитого Киплинга – начали говорить о «бремени белого человека», вынужденного нести цивилизацию капиталистического века не знакомым с ней народам Востока. И в этой в общем-то циничной формуле был заключен немалый практический смысл: англичане (вообще-то не только они, но они в первую очередь и главным образом) по меньшей мере с конца XVIII в. и тем более в XIX в., когда этап раннего торгового колониализма подходил к концу и замешался развитым индустриальным, сопровождавшимся политическим господством колонизаторов в их колониях, а частично и в сохранявших формальную независимость государствах, полуколониях (одной из них обычно считают Китай после так называемых «опиумных» войн), действительно взваливали на себя нелегкую задачу кардинальной трансформации традиционного Востока.

Колониальное освоение Востока началось, как упоминалось, с торговой экспансии держав, в первую очередь Португалии. XVI век был ее веком. Именно за это столетие португальцы покрыли почти все подходящее для этого побережье стран Востока, вклю-

чая и Африку, своими торговыми факториями, которые обычно располагались в самых лучших с точки зрения торговли и мореходства местах, в наиболее удобных бухтах. Постепенно территория первоначальных форпостов расширялась, особенно там, где для этого были подходящие условия. Но в XVI, как и в последующие одно-два столетия, целью колонизаторов не были территориальные захваты. Разумеется, колониальная администрация (в форпостах) активно вмешивалась во внутренние дела стран Востока, умело используя в своих интересах междоусобные распри правителей, интриги придворных честолюбцев и т. п. Не жалея сил и средств, прибегая к подкупу и обману, к раздуванию вражды и шантажу, португальцы, равно как и сменившие их вскоре голландцы и англичане (в меньшей степени, как упоминалось, французы), всегда вели дело к своей выгоде, прежде всего торгово-экономической. Естественно, что при этом они достаточно рано поняли, что наибольшего экономического эффекта смогут добиться лишь в том случае, если будут опираться на силу. Создание Ост-Индских компаний и было выражением этой политики: компании имели свою казну, свои вооруженные силы и даже право вести свою политику, заключая договоры и вообще действуя как уполномоченные соответствующих колониальных держав.

Но при всем том территориальная экспансия в те времена не была, как упоминалось, главной целью колонизаторов и их компаний. Целью была торговля, вывоз редких и ценных товаров, включая и рабов. А так как взамен европейцы мало что могли предложить (если в Африке в качестве эквивалента шли спирт, ружья и порох, стеклянные бусы и иные безделушки, то для более развитых стран Востока этого было заведомо недостаточно), то за желанные товары приходилось платить. Золото и особенно серебро на протяжении XVI–XVIII вв. текло с Запада на Восток. И хотя для оплаты использовался в основном награбленный европейскими конкистадорами американский металл, ситуация от этого сильно не менялась: колониальные товары оплачивались наличными. И этот часто недооценивавшийся в недавнем прошлом (особенно в марксистской историографии) фактор сыграл очень важную роль в истории взаимоотношений раннего евро-

пейского капитализма с постепенно колонизовавшимися странами Востока.

Дело в том, что Восток был хорошо знаком с торговлей задолго до того, как она стала фундаментом рыночно-частнособственной структуры Запада. Торговые связи и транзитная торговля, соединявшая между собой отдаленные районы ойкумены, во всяком случае, в пределах Старого Света, были одной из традиционных основ существования стран Востока и многих из тех народов (прежде всего кочевых), кто не достиг уровня развитой государственности. Достаточно напомнить о Великом Шелковом пути, активно функционировавшем со II в. до н. э., или о торговых караванах аравийских арабов на рубеже и в первые века н. э., чтобы это стало достаточно очевидным. К сказанному можно добавить, что активная роль мусульманских торговцев способствовала становлению основ государственности и цивилизации в некоторых районах Тропической Африки, а в ряде стран Юго-Восточной Азии привела к расцвету там ислама.

Количество примеров можно было бы легко увеличить, но сам факт несомненен: Восток и торговля, включая транзитную, — понятия неразрывные. Естественно, что появление европейских колониальных факторий в XVI–XVII вв. не было в этом смысле для Востока чем-то новым и уж тем более способным вызвать обоснованные опасения. Европейские торговцы с их жадным стремлением к выгоде и неуклонно совершенствовавшимся умением все считать и наживаться на перепродаже воспринимались в странах восточного мира (во всяком случае, там, где господствовали великие цивилизации Востока, — об Африке можно вести разговор особо), если и не как варвары, то уж во всяком случае как малообразованные (не знакомые с обычаями и нормами повседневного бытия и поведения) иностранцы.

Разумеется, в их поведении было немало непривычного, и в чем-то они явно превосходили привыкших к неторопливому темпу жизни восточных торговцев и тем более представителей администрации. Речь не столько, скажем, о подкупах, взятках, скрытых формах борьбы за желаемое, с чем на Востоке были знакомы уж никак не меньше, чем в Европе. Имеются в виду прежде всего цели, то есть само желаемое. На Востоке это обычно была власть

– возможность сделать успешную карьеру и помыкать нижестоящими, включая и торговцев, целиком зависевших от власти, от чиновника. Для европейских колонизаторов позиция власть имущих в тех местах, где они осели, тоже имела значение, причем очень большое, но цель была при этом совершенно иная – выгода. Власть и тесные контакты с властью имущими были лишь средством для достижения желанной цели.

Подкупая представителей власти, вмешиваясь в их междоусобную борьбу, европейские колонизаторы, особенно после создания на рубеже XVI–XVII вв. Ост-Индских компаний, оказались в весьма выгодном положении с точки зрения достижения их цели, то есть развития выгодной, приносящей огромные доходы торговли, которую они крепко держали в своих руках, порой диктуя связанным с ним местным властям размеры (квоты) желаемого продукта, дабы не сбивать на него в Европе цены. Но власти в странах Востока все это как бы не касалось. Пусть европейские торговцы получают свои доходы – это их дело. А нас вполне удовлетворяет сам тот факт, что за наш продукт деньги, причем немалые, регулярно текут в казну и карманы связанных с колонизаторами чиновников, позже также и посредников-компрадоров из числа местных торговцев, постепенно овладевавших европейской наукой свободной рыночной торговли, пусть даже и весьма ограниченной традиционными нормами их собственных стран.

Результаты не замедлили сказаться: позиции европейских торговцев в странах осваивавшегося ими Востока все укреплялись. Набираясь опыта, они проникали все дальше, создавали новые фактории, расширяли территории старых, покупали или иными способами приобретали новые земли, ставили в зависимость от себя, от своих потребностей местное население. И, главное, всегда стремились к увеличению общего объема торговых контактов. Понимая, что для расширения этого объема необходимо дальнейшее укрепление своих позиций, Ост-Индские компании и прочие колонизаторы все чаще и все более умело прибегали к политическим и даже военным акциям, что было особенно легко осуществлять в странах со слабыми традициями государственности, таких как Индия или Индонезия (именно они и были главным объектом деятельности соответственно английской и гол-

ландской компаний).

Важной особенностью европейского колониализма, которая объективно была недооценена, да и просто не понята на Востоке, где в этом плане существовали совсем иные взаимоотношения, была активная поддержка колонизаторов и тем более их компаний соответствующими государствами, метрополиями. Восточным купцам, отнюдь не чуждым торговой экспансии, колониализм как форма торговли (с укреплением в виде форпостов на чужой территории) тоже был хорошо известен с очень давних времен – достаточно напомнить об арабах в Восточной Африке или о китайцах-хуацяо. Но для традиционного Востока купец, покинувший по своим торговым делам собственную страну, – это как бы отрезанный ломоть. Он не интересен властям, которые теперь далеко и мало что от него имеют. А в случае с Китаем существовали даже официальные запреты, что превращало хуацяо в своего рода изгоя, лишённого не только официальной поддержки, но и многих прав обычного китайца, подданного Срединной империи.

Поэтому проникновение восточных купцов и иных мигрантов (хуацяо) в чужие страны к эффекту колониализма не приводило, хотя и играло свою важную роль (те же хуацяо немало способствовали развитию тех стран, где они поселялись). Для Востока присоединение чужих территорий реализовывалось обычно только в военно-политической форме. И это тоже было одним из моментов, благодаря которому правители стран Востока вначале не увидели в европейском торговом колониализме никакой опасности для себя и тем более угрозы для привычного существования своих стран. Торговля приносила им доход – зачем же мешать торговцам? Иное дело, когда наряду с колониальной торговлей и параллельно с ней появились факторы (и угрозы) иного порядка. Речь о структурных переменах, а также о цивилизационном и религиозно-культурном вмешательстве европейцев в дела Востока.

30. Торговый колониализм как форма столкновения Запада и Востока

Выше уже были рассмотрены некоторые попытки сближения и даже синтеза Запада и Востока, начало которым положил еще

Александр Македонский. Были объяснены и причины их неудач, суть которых сводится в конечном счете к принципиальному не-сходству западной рыночно-частнособственнической и восточной командно-административно-распределительной структур. Было также упомянуто, что ситуация в этом смысле стала меняться только с эпохи капитализма и колониализма. Что же способствовало такого рода принципиальным изменениям? В самом общем виде ответ хорошо известен: вынужденная – под давлением европейского колониализма – трансформация традиционного Востока. Но как конкретно шел процесс? И какая доля его пришлась на первый этап трансформации – на эпоху раннего торгового колониализма, о которой пока что идет речь?

Традиционный Восток, о чем только что шла речь, в принципе издревле был хорошо знаком с торговлей и рынком, равно как и частной собственностью. Другое дело – то место, которое занимали все эти институты в жизни восточного общества. Речь идет в первую очередь об иерархии типовых связей, соединяющих общество в нечто единое, цельное и структурно однородное. Для Европы эта иерархия до предела очевидна: господствующие связи со времен античности – рыночные и частнособственнические, тогда как все иные (семейноклановые, сословные, властные, порой игравшие немаловажную роль) были на втором месте. В конечном счете все эти второстепенные связи отступили на задний план перед главными, что стало особенно очевидно в эпоху развивающегося капитализма. Совершенно иное дело – Восток.

Здесь главными всегда были связи, опосредованные государством (власть – собственность) и олицетворенные администрацией и централизованной редиистрибуцией. Важна не конкретная форма их; иногда они могут выглядеть достаточно специфично (отношения между индийской общиной и властью). Важна суть, а она всегда неизменна. Второй важный тип связей – корпоративные, сущность которых сводится к вертикальным патронажно-клиентным отношениям в любой из возможных форм (варновокастовой, семейно-клановой, общинно-земляческой, цеховой, сектантской и т. п.). Этот тип связей, негосударственный (и даже в какой-то степени контргосударственный) по сути своей, призван защитить бесправных подданных в системе восточного деспотиз-

ма от произвола власти. Но в реальности восточной традиции он, как правило, тесно переплетается с первым, государственным, то есть с системой власти-собственности и редистрибуции, о чем уже шла речь. И только третье и последнее место занимают связи рыночные и частнособственнические, ибо они в сущности подчинены первым двум типам отношений и зависят от них (не только без поддержки власти, но и без опоры на клиентов, родню, касту и т. п. собственник и торговец не просто бесправен и беззащитен, но и практически не в состоянии нормально функционировать). Соответственно и государство, и клиенты (родня, а кое-где, как в современной Африке, также и соплеменники, земляки и др.) имеют право по меньшей мере на часть доходов собственника, обязанного делиться и с верхами (государством, чиновниками), и с зависящими от него, но также и поддерживающими его низами (клиентами, родней, земляками и т. п.).

Разница очевидна и бросается в глаза: для Европы на первом месте – доходы и прибыль собственника, для традиционного Востока — власть, родня и связи. Принципиально различны системы общепризнанных ценностей: в одной структуре ориентация на материальную выгоду собственника-индивида, тогда как в другой – на корпоративные связи и коллективизм группы, высшей формой организации которой является всемогущее государство, тоже в конечном счете своего рода мегагруппа. И даже если не везде на Востоке такие мегагруппы были внутренне крепкими и вообще существовали (немало восточных обществ не знало сильной государственности), структура их базировалась примерно на той же внутренней основе. И за этой санкционированной традицией и воспитанной веками, а то и тысячелетиями основой везде стоят свои системы нормативных обязательств, свой порядок, гарантирующий выше всего ценимую стабильность структуры. Поколебать этот порядок рискованно, ибо это грозит серьезным внутренним кризисом. Кроме того, внутри самой описываемой традиционной восточной структуры нет таких сил, которые были бы в состоянии (и были бы заинтересованы в том, чтобы) взломать традиционный порядок изнутри. Для этого необходимо было вмешательство извне, хотя и его до эпохи колониализма было недостаточно.

Эпоха торгового колониализма кардинально изменила описываемую ситуацию. Прежде всего она привела к заметному усилению на Востоке рыночного типа связей. Это происходило за счет усиления поддерживаемой колонизаторами позиции местных торговцев, игравших важную роль посредников, а также за счет подключения к торговым операциям новых слоев заинтересованного в них населения, будь то работающие на плантациях крестьяне или наёмники либо получающие от всего этого немалый доход чиновники и правители. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и укрепление рыночно-частнособственнических связей колониально-европейского типа с их все возрастающей и усложнявшейся в районах форпостов инфраструктурой. Практически это означало, что на колониальном Востоке возникло два тесно связанных между собой типа рыночных связей: чужой и традиционный свой.

На территории форпостов абсолютно господствовали европейского типа рыночно-частнособственнические связи с их привычно господствующей структурной позицией, в частности, с безусловным приоритетом интересов собственника. Рядом с форпостами и под их немалым воздействием энергично развивались привычные для Востока рыночные связи. Возникло как бы два рынка: один в основном по-прежнему обслуживал нужды местного населения традиционными для него товарами и в привычной форме (хотя теперь уже и с некоторой примесью постепенно расширявшегося европейского импорта), тогда как другой был элементом энергично вторгающейся в страну чуждой ей структуры. При этом быстрыми темпами растущий второй, европейского типа рынок не только способствовал трансформации привычного восточного рынка, но и с его помощью разлагающе воздействовал на все взаимосвязи в традиционном восточном обществе в целом.

Результатом гипертрофированного роста рыночных связей в пределах как бы застывшего в медленном своем развитии («спящего») Востока оказалась постепенная, но достаточно заметная и потому тревожившая власти трансформация привычной структуры в целом. Экспорт европейских товаров способствовал сближению колониального рынка с традиционным местным, что находило свое конкретное проявление в постепенном распространении в стране законов капиталистического рынка, весьма болезненных

для не привыкших к ним жителей стран Востока. Поэтому там, где государства были достаточно сильными для этого (имеются в виду прежде всего Китай, Япония да и Османская империя и некоторые другие страны), стали ставиться искусственные преграды процессу проникновения европейского капитала. Внешняя торговля ограничивалась, количество открытых для этого портов строго регламентировалось и т. п. Легче было колонизаторам там, где государственность оказалась слабой, что открывало простор для расширения процесса и темпов колонизации и для превращения огромных территорий (Индия, Индонезия) в колонии европейских стран.

Однако торговый колониализм нес с собой на Восток отнюдь не только товары и законы капиталистического рынка, весьма основательно подрывавшего традиционные устои. Вместе с торговцами и параллельно с ними шел процесс проникновения на Восток многих важных элементов европейской цивилизации. Речь идет в первую очередь о тех из них, которые были идейно-институциональной основой рыночных связей европейского типа, без которых колониализм нигде, включая самые отдаленные форпосты, просто не мог существовать. Система банковского финансового капитала, незыблемые права гражданина и собственника, свободы, права и гарантии личности и охраняющие все это соответствующие институты и органы, будь то суды, таможи, портовые службы, охранные подразделения и в конечном счете власти (администраторы компаний, позже губернаторы), стояли на страже колониальной торговли и обладали абсолютной властью по меньшей мере на территории форпостов.

К этому стоит добавить сотрудников системы управления и лиц интеллектуального труда, адвокатов и чиновников колониальной администрации, позже также учителей, врачей и т. п. Разумеется, в тех странах, где колонизация шла быстрыми темпами, соответственно ускорялся и процесс росла влияния европейской цивилизации, появления и усиления роли все новых и новых важных ее элементов, как то было, в частности, в захватывавшейся англичанами Индии. Но нечто аналогичное, пусть в меньших объемах, происходило и во многих других странах Востока, во всяком случае там, где официальные ограничения властей этому решительно

не препятствовали. Тем же общим, что не миновало, пожалуй, ни один из неевропейских регионов, включая и отдаленные архипелаги, и острова Океании, а затем и Африку, было появление служителей церкви, миссионеров.

Вселенское движение миссионеров в эпоху торгового колониализма – это особая и весьма небезынтересная страница в истории взаимоотношений Запада и Востока. Оставляя в стороне проблему латинизации Южной и Центральной Америки, которая реализовывалась параллельно с завоеванием и потому была весьма тесно связана с политикой соответствующих государств, Испании и Португалии, обратимся к тому, как действовали служители католической церкви в странах Азии и Африки, в основном вне пределов исламского мира (в странах ислама, как это показала многовековая практика взаимоотношений с ближневосточными народами, жившими по соседству с Европой, у церкви не было шансов, и потому деятельность ее в этих странах ограничивалась обслуживанием религиозных потребностей местного христианского меньшинства).

Несмотря на достаточно четкое разделение функций и формальное отделение церкви от государства, в европейских странах миссионеры, идейно вдохновлявшиеся и организационно поддерживавшиеся Ватиканом и связанными с ним религиозными орденами (прежде всего, орденом иезуитов), были в конечном счете не просто одним из отрядов колонизаторов, но в ряде случаев (особенно в случае с Китаем и Японией) авангардом колониализма. Впрочем, несколько необычным авангардом. Здесь нужно определенное пояснение.

Если снять со слов «колониализм» и тем более «колонизаторы» все еще привычно содержащуюся в них оценочную характеристику и рассматривать все, связанное с этими понятиями, просто как движение европейцев на Восток (в основном с торговыми целями), то миссионеров действительно можно воспринимать как авангард и в некотором смысле даже предтечу торгового европейского колониализма. Дело в том, что сами по себе они чаще всего не имели никакого отношения к торговле, торговцам и их компаниям и действовали самостоятельно, причем только в собственных целях – нести слово Господне неверующим, нехристианам.

Практически связывает их с колониализмом лишь то важное обстоятельство, что самой возможностью проникновения в отдаленные уголки планеты они были обязаны тем же достижениям (успехи мореплавания и Великие географические открытия), которые создали условия и для колониальной торговли.

Иными словами, движение миссионеров было параллельным движению торговцев, причем не обремененные необходимостью строить форпосты и устанавливать непростые политические и рыночные связи с местным населением миссионеры двигались, что называется, налегке и потому опережали торговцев, проникая раньше их во многие, даже весьма отдаленные уголки Востока. Именно в этом смысле их и следует считать авангардом или предтечей общего движения. Но, оговариваясь таким образом, нельзя не замечать и другого: миссионеры несли с собой важнейшие элементы все той же западной цивилизации, совокупность которых играла и сыграла в конечном счете решающую роль в трансформации традиционного Востока.

Различную роль сыграли миссионеры в разных странах Востока. Более успешно действовали они в Индокитае (особенно на юге Вьетнама), кое-каких достижений добились в Центральной Африке (бассейн Конго в первую очередь). Но особенно интересна история проникновения католических миссионеров в XVI–XVII вв. в Китай и Японию. В Китае они были приняты с почетом на самом высшем уровне, получили высокие должности, были обласканы императорами и обрели возможность как познакомить китайцев с некоторыми достижениями европейской науки (астрономические приборы, часы и т. п.), так и, изучив китайский язык и иероглифическую письменность, проникнуть в фундаментальные основы многовековой китайской истории и культуры.

Собственно, именно иезуиты с их многотомными сочинениями (в основном переводами древних текстов и компиляциями) заложили основу современной синологии как отрасли европейской гуманитарной науки. Их же стараниями был возбужден в Европе (уже в основном в XVIII в.) необычайный интерес к Китаю как стране образцового Порядка и высокой внутренней Гармонии, что вызвало особый интерес со стороны великих французских мыслителей эпохи Просвещения, начиная с Вольтера, и сыграло свою

роль в попытках подражания всему китайскому, будь то беседки в Версале или иные безделушки в стиле «шинуазри». Однако со своей главной задачей – с обращением в христианство китайцев – миссионеры не справились. Китайцы почтительно слушали их проповеди, и многие из них даже готовы были принять в свой привычный пантеон еще одно великое божество, но считать Христа единственным Богом они не соглашались. Отдельные созданные иезуитами приходы и небольшая кучка обращенных лишь отбрасывали эту их решающую неудачу, вполне объяснимую и понятную любому, кто знаком с традиционным Китаем и его культурой.

Несколько иначе обстояло дело в Японии, где уже в конце XVI в. миссионерами во главе со знаменитым Франциском Ксавье было обращено в христианство около 150 тысяч японцев. Число христиан в Японии в начале XVII в. возросло до 700 тысяч. В стране действовали сотни церквей и было организовано несколько семинарий, подготовивших христианских священников. Параллельно с этим миссионеры – как то было и в Китае – знакомили японцев с некоторыми достижениями европейской науки и способствовали налаживанию контактов с португальцами, доставлявшими на острова огнестрельное оружие, столь необходимое стране, где шли едва ли не постоянные войны между сегунами и влиятельными князьями-дайме. Однако уже при Тоётоми Хидэёси на рубеже XVI–XVII вв. начались преследования христиан, которые вскоре привели к закрытию церквей и семинарий, уничтожению церковной литературы и ликвидации христиан как влиятельной социально-конфессиональной прослойки в стране.

Успехи иезуитов в обращении японцев в христианство были связаны прежде всего с политикой и в конечном счете с борьбой за власть в период междоусобиц, связанных с крушением второго сегуната. Ода Нобунага, возглавлявший борьбу за создание нового, третьего сегуната, решил оказать покровительство иезуитам, что и способствовало распространению христианства. Трудно судить, насколько прочно основы христианства закрепились в умах тех сотен тысяч японцев, о которых только что было упомянуто. Но есть веские основания считать, что степень такого рода прочности была невелика, о чем косвенно свидетельствует та легкость, с какой продолжатель дела убитого в 1582 г. Ода, Тоётоми Хидэё-

си и его преемник Токугава Иэясу в новой политической ситуации покончили с христианством, оказавшимся в начале XVII в. под покровительством мятежных князей-дайме.

История с поражением миссионеров-иезуитов в Китае и Японии весьма поучительна. С одной стороны, она свидетельствует об интересе на Востоке к успехам европейцев в сфере не только торговли, но также науки и культуры, даже о готовности внимать христианской проповеди, а с другой – убедительно говорит о том, что в восточных государствах с сильной политической властью и очень отличной от европейской культурой (не говоря уже об исламских странах) шансов у христианских проповедников было немного. Во всяком случае, до тех пор, пока не наступила эпоха индустриального капитализма и развитого колониализма, пока европейцы не обосновались в государствах Востока достаточно прочно и надолго.

К слову, в этот более поздний исторический период на передний план вышли уже протестантские миссионеры. Это было тесно связано с тем, что в Голландии и Англии господствовали различные модификации протестантизма. Важно также принять во внимание, что, не имея собственной церковной организации (типа Ватикана или хотя бы орденов), протестантские миссионеры получали возможность осуществлять свою деятельность лишь в условиях развитого колониализма, когда более или менее значительные территории той либо иной из стран Востока уже находились под административным управлением или по меньшей мере под сильным влиянием метрополии. Опять-таки это, как правило, не касается стран исламского мира (или исламизованных в колониальное время, как это было с Малайей и Индонезией), где протестантские миссионеры, как и католики, не имели реальных шансов и вынуждены были ограничивать свое поле деятельности работой с иноверческим меньшинством, включая прежде всего самих колонизаторов.

Западная христианская религия, как и многие другие элементы европейской цивилизации, включая достижения науки, в целом оказали и по мере развития колониальной торговли и закрепления (а также расширения) территориальных анклавов западного капитализма продолжали оказывать определенное, а кое-где, как преж-

де всего в Индии, и заметное влияние на колонизируемые страны. Это влияние в новых условиях колониальной экспансии, начатой в XVI в., ознаменовало собой еще одну попытку активного Запада сблизиться с пассивным Востоком и привести дело к тому идеальному синтезу, о котором мечтал ещё великий Александр. И надо заметить, что именно в этих исключительно выгодных и удобных для Запада условиях попытка такого рода получила реальные возможности для успешного своего осуществления.

Иными словами, именно теперь, начиная с XVI в., традиционный Восток стал понемногу сдавать свои позиции. Это было вынужденное отступление, о причинах и обстоятельствах которого уже кое-что было сказано и еще будет идти речь ниже. Отступление от традиции заняло ряд веков и отнюдь не было полной сдачей позиций, как то хорошо видно сегодня. Однако, тем не менее, именно натиск европейского Запада в эпоху колониализма, затянувшуюся на ряд столетий и завершившуюся лишь в середине нашего века, привел в итоге к вестернизации и, как следствие, модернизации Востока. Забегая вперед, однако, можно заметить, что желанный идеальный синтез Запада и Востока мало где был реализован (наибольшего успеха в этом смысле достигли страны дальневосточно-конфуцианской цивилизации, начиная с Японии). Зато возникло немало новых и весьма серьезных проблем, связанных с модернизацией не только многих стран, но и целых континентов, как, например, Африки.

Колониальное освоение Востока, приведшее в конечном счете (во всяком случае, в наши дни, в конце XX века) к едва ли не полному и повсеместному признанию превосходства западной технологии и осознанию необходимости для остального мира многое заимствовать у Запада, не привело и вообще едва ли в состоянии привести к желанному благотворному синтезу весь Восток. Для того чтобы понять коренные причины этого, обратим сначала внимание на то, как шел процесс сближения Запада и Востока в эпоху развитого капитализма и колониализма.

(Продолжение следует)